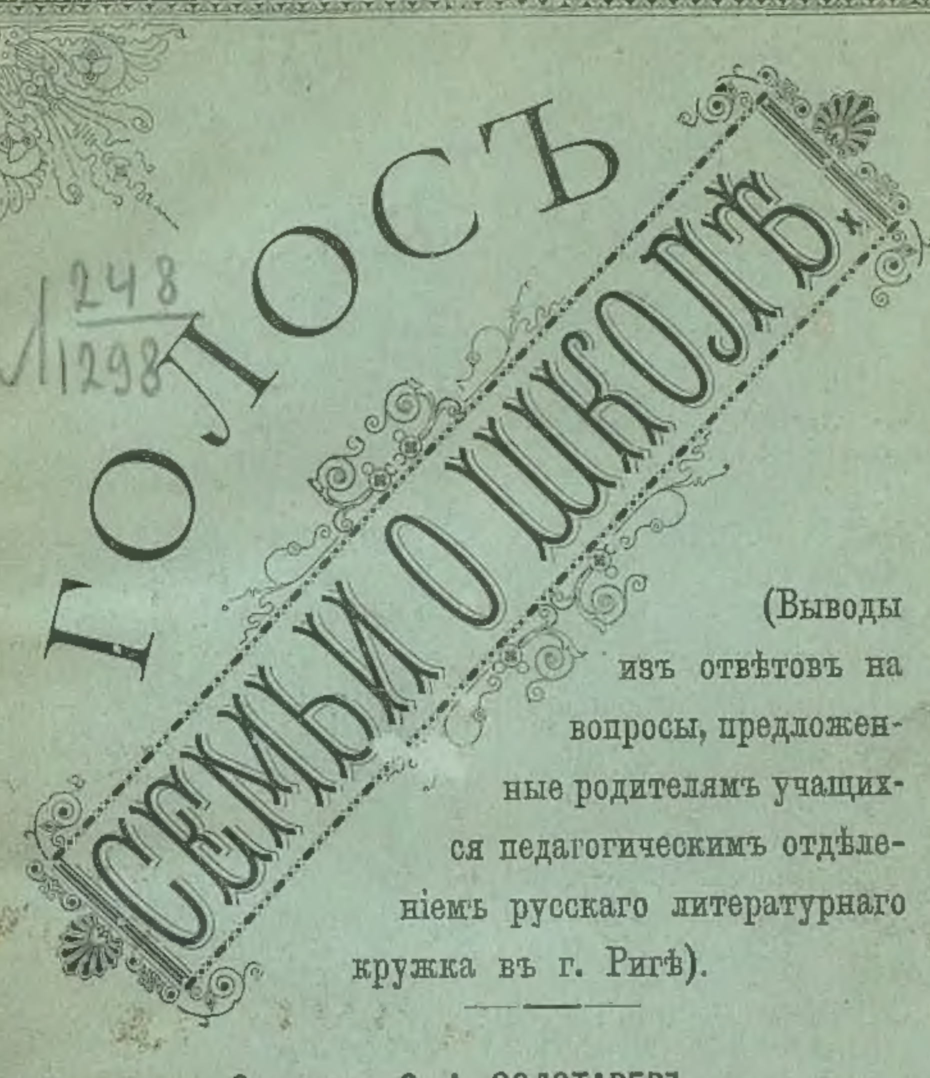
И 248/1298

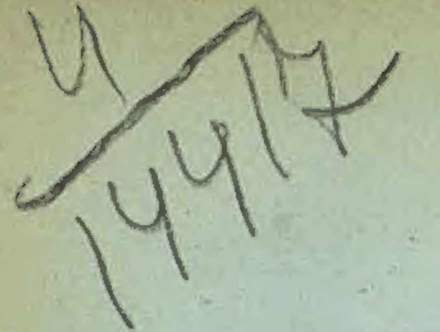
И 248/1298

(Выводы изъ отвѣтовъ на вопросы, предложенные родителямъ учащихся педагогическимъ отдѣленіемъ русскаго литературнаго кружка въ г. Ригѣ).

Составилъ С. А. ЗОЛОТАРЕВЪ.

(Чистый сборъ поступаетъ въ пользу Литературнаго кружка).

РИГА.
Изданіе книжн. маг. Бр. Башмаковыхъ.
1900.

Въ книжномъ магазинѣ
Бр. БАШМАКОВЫХ[ъ]

Коммиссіонеровъ Государственной типографіи,

Книжный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Екатерининск. ул., д. 2.	РИГА, Большая Песочная улица, д. № 32,	Книжный маг[азинъ] въ КАЗАНИ Городской Пасс[ажъ]

имѣются слѣдующія книги:

Цѣн[а]

Анастасіевъ. Методика обученія начальной грамматикѣ. К. 1898 г. . . . . — р.

— Очеркъ по исторіи педагогики. К. 1900 г. . . . — „

— Сборникъ стрихотвореній для начальныхъ народн. учил. и для домаш. обученія, съ прилож. ст. „Хорошее чтеніе" и объяснит. примѣч. къ стихотворенію, изд. 4-е, въ 1-мъ изд. допущ. особ. отд. Учеб. ком. М. Н. П. въ учительск. библіот. нар. учил. К. 1899 г. . . . . — „

Андреевъ. Дѣтскій другъ, руковод. къ обученію русс. яз. въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по русски, ч. 2, книга для чтенія, допущена Уч. к. М. Н. П. къ употреб. въ нар. учил. въ качеств. учебн. Р. 1892 г. . . . . — „

Бѣлявскій. Темы и планы для сочиненій, М. 1899 г. — „

Балталонъ. Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. М. 1899 г. . . . . — „

Вишневскій. Записки по методикѣ элементарной ариѳметики. Руков. для учительск. семин., институт., VIII кл. женск. гим., учител. и учительниц. начальн. учил., изд. 6-е. 3-е изд. опред. особ. отд. У. к. М. Н. П. допущ. въ качествѣ учеб. пособ. опред. учил. сов., утвержд. Оберъ-Прокур. Свят. Синода, допущена въ учительск. библ. церк. пр. школъ. К. 1899 г. . . . . . . — „

И 248/1298

33825-44

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ концѣ прошлаго лѣта проникъ въ печать циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ былъ намѣченъ путь къ устраненію разныхъ недостатковъ средней школы, между прочимъ отчужденности отъ семьи и бюрократическаго характера, сухого формализма, ложныхъ взаимныхъ отношеній преподавателей и учениковъ, невниманія къ личнымъ особенностямъ учащихся, пренебреженія нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ, чрезмѣрности ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, несогласованности программъ между собою и съ учебнымъ временемъ, недостаточнаго преподаванія отечественнаго языка и литературы, слабаго знакомства съ окружающей природой, излишняго преобладанія древнихъ языковъ и т. д. Этотъ циркуляръ былъ живо привѣтствованъ печатью и вызвалъ во всемъ русскомъ обществѣ сильное возбужденіе, далъ поводъ высказаться по наболѣвшему вопросу всѣмъ, кто могъ что нибудь сказать. Педагогическое отдѣленіе Рижскаго русскаго литературнаго кружка въ первомъ же своемъ собраніи, 29 сентября 1899 г., признало своимъ долгомъ содѣйствовать разрѣшенію интересующаго всѣхъ вопроса и приступило къ обсужденію того способа, какимъ оно могло выразить свое участіе въ дѣлѣ общегосударственной важности. Оно остановилось на мысли составить рядъ вопросовъ, детально исчерпывающихъ разныя стороны школьнаго дѣла, намѣченныя въ упомянутомъ циркулярѣ въ общихъ чертахъ, и распростра-

нить вопросные листы между родителями учащихся и вообще между всѣми, кто пожелалъ бы высказать свои личныя отрывочныя наблюденія, но не могъ или не хотѣлъ обрабатывать ихъ для самостоятельной печатной статьи. Тогда же нѣсколько членовъ отдѣленія изъявили желаніе вчернѣ подготовить вопросы къ слѣдующему собранію отдѣленія. Такимъ образомъ составилась добровольная „комиссія"; она собиралась 4 раза и выработала 56 вопросовъ, которые, по мѣрѣ ихъ составленія, читались и обсуждались на собраніяхъ педагогическаго отдѣленія. Между прочимъ, на послѣднемъ изъ этихъ собраній однимъ изъ членовъ былъ представленъ самостоятельно составленный списокъ вопросовъ, которые, какъ оказалось, по существу были согласны съ выработанными „комиссіею" вопросами.

На собраніяхъ обнаружился антагонизмъ между семьею и школою, что существенно повліяло на составъ вопросовъ и на весь ходъ этого дѣла. Составители вопросовъ не могли не сознавать, что для оцѣнки отвѣтовъ на нихъ, въ высшей степени важно знать, кто ихъ далъ, каково его общественное положеніе, его возрастъ, образовательный цензъ и проч. Сообразно съ этимъ намѣчены были вопросы, которые дали бы хорошій матеріалъ для сужденія о личности корреспондентовъ. Но на общихъ собраніяхъ раздался дружный протестъ противъ такихъ вопросовъ. Указывалось и на то, что они чрезмѣрно увеличиваютъ вопросный листъ, а еще болѣе на то, что нельзя требовать отъ родителей откровенныхъ отвѣтовъ, разъ они должны сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о себѣ. Большинство явно высказывало свое опасеніе, что такое откровенное заявленіе можетъ навлечь на учащихся непріятности со стороны учебнаго началь-

ства, „поставить ихъ подъ ножъ“, по выраженію одного члена. Являлось предположеніе, что матеріалъ, собранный отдѣленіемъ, можетъ увеличить кондуитные списки, если будетъ извѣстно, кто его сообщилъ. — **Родители боялись учителей!** Въ виду этого отдѣленіе признало возможнымъ устранить изъ вопросовъ все, что могло послужить указаніемъ на мѣсто дѣйствія и дѣйствующихъ лицъ, и не ставить для корреспондентовъ непремѣннымъ условіемъ подпись. Къ тому же требованіе подписи нисколько не гарантировало вѣрность отвѣтовъ, серьезность разсужденій и проч., потому что отдѣленіе не могло ни въ какомъ случаѣ удостовѣриться въ подлинности подписи. Это допущеніе анонимности послужило поводомъ къ нападкамъ на предпріятіе отдѣленія, шедшимъ уже изъ другого лагеря и все болѣе принимавшимъ желчный характеръ по мѣрѣ того, какъ дѣло подвигалось впередъ. Первоначально составленіе вопросовъ мало кого занимало: несмотря на печатныя объявленія и повѣстки, число посѣтителей собраній, въ которыхъ обсуждались вопросы, было нисколько не больше обычныхъ. Общество, не привыкшее видѣть, чтобы намѣреніе переходило въ дѣло, ждало, что и въ этомъ случаѣ „затѣя“ отдѣленія сойдетъ на ничто. Даже въ одномъ изъ органовъ мѣстной печати, призванной быть во главѣ общественнаго мнѣнія, проявлялось насмѣшливое отношеніе къ предпріятію отдѣленія. Рядомъ съ этимъ стали раздаваться и голоса неудовольствія со стороны „педагоговъ“, что стало особенно замѣтно, когда выработанные отдѣленіемъ вопросы были отпечатаны въ мѣстныхъ газетахъ: попытка пролить струйку свѣта на дѣятельность приверженцевъ рутины, формализма и канцелярщины вызвало взрывъ негодованія и даже угрозъ про-

тивъ иниціаторовъ этого предпріятія! Они, сознавая, что ихъ поступки служатъ темой горячаго обсужденія въ тѣсныхъ кружкахъ, и мирясь съ этимъ, испугались при мысли, что отдѣленіе, собравъ эти голоса семьи, укажетъ на нихъ пальцами. Итакъ обнаруживалось и другое проявленіе антагонизма семьи и школы: видимо, **и учителя боялись родителей**. Характернымъ признакомъ этой свѣтобоязни можетъ служить произведеніе, вышедшее, по справедливому замѣчанію одной нѣмецкой газеты, изъ дебрей бюрократической тайны изъ-подъ пера „человѣка въ футлярѣ". Авторъ этого произведенія, возмущаясь „затѣей" отдѣленія, недоумѣваетъ, какъ можно считать родителей компетентными въ вопросѣ объ ихъ дѣтяхъ, какъ можно ожидать дѣльныхъ отвѣтовъ отъ сапожниковъ, мызниковъ и т. п. родителей! Это шокируетъ его бюрократическое самомнѣніе. Пытаясь иронизировать, онъ всетаки не можетъ скрыть болѣзненнаго страха передъ тѣмъ, что отдѣленіе соберетъ слишкомъ обидный для учителей матеріалъ. Онъ и думать не хочетъ, что на ряду съ дурными учителями существуютъ и хорошіе. Подписавшись на всякій случай— „какъ бы чего не вышло" — только иниціалами, онъ возмущается возможностью **анонимныхъ** отвѣтовъ отдѣленію. А что если эти отвѣты будутъ написаны людьми не серьезными, а еще хуже „дѣтьми" (!) и наконецъ „людьми, ничего общаго ни съ семьей, ни со школой не имѣющими"? Ему кажется, что отдѣленіе не справится съ задачей отдѣлить умные, серьезные отвѣты отъ глупыхъ, шутливыхъ, дѣтскихъ, и опубликуетъ „**выводы слишкомъ веселые для серьезныхъ людей**". Наконецъ, съ обычнымъ для подобныхъ господъ искусствомъ, онъ пытается бросить на предпріятіе отдѣленія тѣнь политической небла-

гонадежности... Общественное возбужденіе, нашедшее себѣ выраженіе въ газетныхъ статьяхъ, побудило предсѣдателя отдѣленія сдѣлать печатное заявленіе о томъ, что отдѣленіе ни въ какомъ случаѣ не задается цѣлью собирать и сообщать пасквили на учителей, и поэтому всякія опасенія по меньшей мѣрѣ преждевременны, но это заявленіе не могло поправить дѣла, и всѣ данныя говорили за то, что отвѣтовъ будетъ получено очень немного.

Дѣйствительно, даже количество розданныхъ и разосланныхъ листовъ, оказалось гораздо меньше, чѣмъ предполагалось, а число полученныхъ отвѣтовъ поражаетъ ничтожностью: на 500 разосланныхъ листовъ, получено около 50 отвѣтовъ какъ на русскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ (послѣднихъ было 11). Отдѣленію извѣстно, что нѣкоторые изъ родителей начали писать отвѣты, но не рѣшились послать ихъ изъ боязни повредить своимъ дѣтямъ. Въ этомъ отношеніи даже молчаніе поучительно!

Менѣе всего основательными оказались пророчества о мистификаціяхъ, отвѣтахъ учениковъ, пасквиляхъ и пр. Опасенія, выраженныя относительно того, что нѣмцы воспользуются случаемъ выразить свои антипатіи къ русской школѣ, совершенно не оправдались. Только одинъ отвѣтъ написанъ ученикомъ старшаго класса одного изъ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній; но авторъ, искренно высказавъ то, что считалъ полезнымъ для дѣла, сполна подписалъ свою фамилію. Изъ присланныхъ отвѣтовъ оказалось неподписанными только 23, нѣкоторые авторы которыхъ стѣснялись неполноты, сбивчивости и даже орѳографическихъ ошибокъ своихъ отвѣтовъ. Ничего похожаго на пасквиль въ этихъ анонимныхъ отвѣтахъ нѣтъ.

Изъ всѣхъ полученныхъ отвѣтовъ около 1/3 менѣе обстоятельны, остальные достигаютъ внушительнаго объема; 2—4 кругомъ исписанныхъ листовъ писчей бумаги. Нѣкоторые принадлежатъ учителямъ. Большинство отвѣтовъ касается Рижскихъ школьниковъ младшихъ и среднихъ классовъ. Есть и отвѣты, представляющіе личныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ гимназіи 80—90 годовъ. Отъ одного родителя, не подписавшаго фамиліи, полученъ на четырехъ листахъ обстоятельный отвѣтъ на 24-й вопросъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ школьныхъ программахъ. „Имѣя подростающихъ дѣтей", говоритъ авторъ „и будучи заинтересованъ въ реформѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, я счелъ нравственнымъ долгомъ внести въ общую работу свою посильную лепту".

Одна мать, изложивъ на 9 почтовыхъ листахъ свои наблюденія и выводы главнымъ образомъ относительно вліянія личности учителя, заканчиваетъ извиненіемъ за многословность отвѣтовъ на „наболѣвшіе" вопросы и надеждой на то, что, „можетъ быть, сотая доля написаннаго облегчитъ бѣдныхъ не учениковъ, а мучениковъ". Глубочайшей благодарностью педагогическому отдѣленію за предпринятый опросъ родителей заключаетъ свои краткія, но цѣнныя наблюденія авторъ отвѣтовъ №№ 19 и 20.

Полученные отвѣты взяты были членами, трудившимися надъ составленіемъ вопросовъ, для предварительной разработки присланнаго матеріала. Затѣмъ, послѣ совмѣстной оцѣнки и приведенія въ систему главнѣйшихъ положеній, добытыхъ изъ отвѣтовъ, одинъ изъ членовъ „комиссіи", С. А. Золотаревъ, взялъ на себя детальный разборъ всѣхъ отвѣтовъ и окончательную

обработку выводовъ изъ нихъ. Результаты этой работы были прочтены 24 января 1900 г. въ засѣданіи педагогическаго отдѣленія, которое постановило напечатать ихъ.

Предсѣдатель педагогическаго отдѣленія
литературнаго кружка
въ г. Ригѣ *П. X. Ѳедоровъ.*

ГОЛОСЪ СЕМЬИ О ШКОЛѢ.

Умственное развитіе учащихся въ современной средней школѣ.

Матеріалъ, доставленный „Отвѣтами“ по вопросу объ умственномъ развитіи учащихся, даетъ возможность освѣтить этотъ вопросъ съ нѣсколькихъ сторонъ, а именно знакомитъ съ качествомъ и количествомъ познаній, способами преподаванія, общимъ развитіемъ учащихся, вліяніемъ разныхъ условій школьной жизни на успѣшность и пр. Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что „Отвѣты“ даютъ полное основаніе признать вредъ и неумѣстность ранней спеціализаціи; они наглядно показываютъ, что съ дѣтскимъ возрастомъ несовмѣстимъ односторонній интересъ къ извѣстному предмету. Мы находимъ всего одно—два указанія на то, что ученикъ особенно усердно и успѣшно занимается предметомъ, къ которому у него есть *наклонность*, и то рядомъ съ этимъ указаніемъ идетъ другое—что отецъ его, спеціалистъ по этому предмету и помогаетъ сыну.

Наоборотъ, тѣ родители, которые говорятъ о неспособности ихъ дѣтей къ древнимъ языкамъ, дополняютъ это объясненіе указаніемъ и на другую причину неуспѣшности: ученики дома слышатъ о безполезности древнихъ языковъ, читаютъ объ этомъ въ газетахъ, и это отражается на ихъ отношеніи къ „древнимъ авторамъ, ни въ чемъ не повиннымъ“.

Очень немного указаній и на то, что ученикъ интересуется тѣмъ или другимъ предметомъ по особымъ *свойствамъ* этого предмета. Ученики интересуются *нѣкоторыми* отдѣльными частями *разныхъ* предметовъ.

Любимые и нелюбимые предметы комбинируются очень причудливо, наперекоръ ходячимъ понятіямъ о лингвистическихъ, математическихъ и др. способностяхъ, взаимно исключающихъ другъ друга.

Одинъ ученикъ любитъ латинскій языкъ, математику, русскій языкъ и не любитъ нѣмецкаго и греческаго языка, другой любитъ математику и исторію, не любитъ нѣмецкаго языка и географіи и пр. и пр.

Полное единодушіе замѣчается только въ отзывахъ о грамматикахъ всѣхъ языковъ. Здѣсь впрочемъ дѣло не въ наклонностяхъ личныхъ, а въ общей психологической особенности дѣтскаго возраста: онъ не терпитъ, не усваиваетъ ничего отвлеченнаго, сухого, стѣсняющаго его фантазію.

Вотъ почему мы находимъ въ отвѣтахъ пожеланіе отмѣнить въ гимназіи преподаваніе богословія и дружный, энергичный протестъ противъ грамматики, одурманивающей учениковъ. Между тѣмъ, какъ разъ, наша средняя школа и есть „школа грамматикъ“

„Здѣсь почти каждый день дѣтямъ приходится долбить 3 — 4, а то и 6 грамматикъ... Тутъ и взрослаго человѣка можно довести до отупленія, до отчаянія, а что же долженъ испытывать впечатлительный, не потерявшій самолюбія, не окончательно отупѣвшій, одеревенѣвшій ребенокъ.“

Что касается всего другого матеріала школьныхъ программъ то нельзя не подивиться, съ какой правильностью отдѣльныя части его фигурируютъ одинаковое количество разъ въ числѣ особенно любимыхъ и особенно нелюбимыхъ предметовъ.

Причины расположенія и нерасположенія учениковъ къ предметамъ школьнаго курса даютъ прекрасный, къ сожалѣнію,

небольшой матеріалъ для составленія курса практической педагогики, дидактики и методики. Я привожу въ извлеченіи и сокращеніи этотъ цѣнный матеріалъ.

Успѣшность въ прохожденіи курса чрезвычайно много зависитъ отъ личности учителя. „Въ зависимости отъ личности учителя и способа преподаванія могутъ интересовать всѣ предметы".

„Ученики любятъ тѣ предметы, по которымъ успѣваютъ, а успѣваютъ въ зависимости отъ способа преподаванія".

„Дѣти любятъ предметы по расположенію къ учителю, а учителя располагаютъ къ себѣ дѣтей гуманностью обращенія".

„Ученицы любятъ тѣ уроки, на которыхъ имъ задаются стишки или составленіе фразъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ уроки, которые даютъ пищу ихъ мышленію и фантазіи".

Особенно хорошо видно вліяніе личности преподавателя и способа преподаванія изъ отвѣтовъ, касающихся начальныхъ учителей, учителей приготовительнаго класса, обучающихъ дѣтей *разнымъ* предметамъ. Учитель—другъ дѣтей; онъ бесѣдуетъ съ ними въ классѣ, въ полѣ, въ лѣсу, играя и гуляя, сообщаетъ массу свѣдѣній, и ученики не устаютъ. Послѣ въ казенной школѣ, вытравившей ихъ любознательность, забившей ихъ, все еще сказывается вліяніе первоначальнаго учителя въ особомъ интересѣ къ тѣмъ предметамъ, съ которыми дѣти впервые познакомились у него.

Учитель приготовительнаго класса пріучалъ къ работѣ, заложилъ прочныя основы знаній въ головахъ учениковъ, и они черезъ много лѣтъ послѣ этого съ благодарностью вспоминаютъ, что, благодаря ему, безъ особаго труда усваивали гимназическій курсъ. Еще учитель приготовительнаго класса — съ любовью относится къ мальчикамъ, просто, толково и разумно объясняетъ; онъ не выходитъ изъ себя, не сердится, когда ученикъ что-нибудь не понимаетъ или не знаетъ, не прибѣгаетъ къ подза-

тыльникамъ, не швыряетъ книгъ подъ столъ, не запугиваетъ „порціями" письма и ариѳметическихъ упражненій. Онъ такъ пріучаетъ ученика работать въ классѣ, что дома ученикъ только повторяетъ. Ученикъ, даже мало способный, занимается самъ, онъ знаетъ, что и какъ отъ него потребуется. Больше всего онъ боится, что „нашъ" учитель будетъ недоволенъ. „Всѣ ученики любятъ учителя, эта любовь переходитъ и на всѣ преподаваемые имъ предметы и бросаетъ глубокіе корни".

Таковы свѣтлыя картины, но не мало дается и темныхъ: я умалчиваю о нихъ и перехожу къ разсмотрѣнію условій успѣшности по отдѣльнымъ предметамъ гимназическаго курса.

Законъ Божій. Въ качествѣ особенно любимаго предмета Законъ Божій является и въ православной и въ лютеранской школѣ тогда, когда преподаватель увлекаетъ своими разсказами, чтеніями, бесѣдами и самъ является образцомъ кротости, доброты, снисхожденія.

Но совершенно иные результаты получаются отъ задаванія уроковъ по плохимъ учебникамъ библейской исторіи, пестрѣющимъ собственными именами, отъ зазубриванія именъ пророковъ и т. п. „Не грѣхъ ли заставлять дѣтей учить по учебнику, написанному темнымъ, грамматически неправильнымъ языкомъ".

Русскій языкъ, въ качествѣ родного языка, интересуетъ почти всѣхъ, но зато постановка его вызываетъ много возраженій. Всѣ согласны въ томъ, что слишкомъ много вниманія обращается въ школѣ на грамматическія мелочи, не имѣющія практическаго значенія для неспеціалистовъ филологовъ, на древній періодъ литературы совершенно въ ущербъ новому.

При этомъ грамматика въ средней школѣ проходится хуже, чѣмъ въ начальной. Въ начальной школѣ правило слѣдуетъ за самостоятельными упражненіями, въ средней школѣ оно задал-

бливается по учебнику безъ всякихъ упражненій. Учебники грамматики очень плохи, но еще хуже, когда учителя для поправленія бѣды диктуютъ 11—12 лѣтнимъ мальчикамъ свои „записки".

Ученики проходятъ еще курсъ славянской грамматики, которую слѣдовало бы выкинуть, какъ отдѣльный курсъ, а вмѣсто того, при прохожденіи грамматики современнаго языка, указывать на историческое развитіе формъ и конструкцій, чтобы учащіеся могли осмыслить орѳографію.

Естественный путь расширенія лексическихъ познаній у ребенка — знакомство съ новыми предметами. Школа совсѣмъ игнорируетъ это. Ученикамъ задаютъ наизусть стихи и прозу безъ предварительнаго ознакомленія ихъ съ предметами, о которыхъ сложены стихи. Это заучиваніе для однихъ „обременительно", а для другихъ и просто „отвратительно".

Дѣти любятъ чтеніе, въ народной школѣ они прочитываютъ „Родное слово", Ушинскаго, какъ только получатъ его. Въ средней школѣ хрестоматій хорошихъ почти нѣтъ. Составители ихъ пользуются и классическими сочиненіями, но выбираютъ изъ нихъ отрывки, неподходящіе для даннаго возраста и уровня знаній, при чемъ еще искажаютъ ихъ. Ученикъ, не только инородецъ, но и русскій, становится втупикъ, встрѣчая въ заданномъ разсказѣ массу непонятныхъ словъ „околица", „за прокосами", „кремень", „огниво" и пр. („Ночевка въ полѣ"). Самъ отецъ не можетъ расчленить разсказца, который придется сыну передавать своими словами. „Остается одно средство — долбить".

Отъ пользованія наглядными пособіями средняя школа совершенно отказалась, она всему хочетъ учить при помощи книги.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда она прибѣгаетъ къ картинамъ, она и изъ этого умѣетъ создать мученье для приготови-

шекъ, заставляя ихъ опять таки зазубривать содержаніе картины.

Недостатокъ практики въ живомъ, разговорномъ языкѣ, передающемъ собственныя мысли и впечатлѣнія разсказчика — это коренной недостатокъ въ постановкѣ роднаго и новыхъ иностранныхъ языковъ.

Въ постановкѣ письменныхъ работъ главными недостатками являются слѣдующіе:

Преподаватели, при выборѣ темъ, не сообразуются съ возрастомъ и степенью развитія учениковъ. Ученики, не зная, что писать, стараются кое какъ заполнить установившееся нормальное число страницъ, „сочиняютъ" по шаблоннымъ планамъ („польза" „вредъ"; вліяніе на: 1) умъ, 2) сердце 3) волю" и т. п.). „Они умѣютъ списывать, но не пріучаются работать по источникамъ".

Учителя, заваленные обязательными письменными работами многолюдныхъ классовъ, не успѣваютъ внимательно просматривать ихъ, справедливо оцѣнивать и объяснять ошибки.

Встрѣчается указаніе на то, что преподаватели передъ экзаменомъ зрѣлости рекомендуютъ ученикамъ остерегаться ссылокъ на русскихъ знаменитыхъ критиковъ и ни въ какомъ случаѣ не считать лишней цитату изъ предисловія къ „Исторіи Государства Россійскаго"

Древніе языки. Въ настоящее время, когда вездѣ слышатся толки о безполезности ихъ, все же они могутъ быть интересными и особенно любимыми предметами въ преподаваніи хорошаго учителя. Учитель знаетъ свой предметъ, къ ученикамъ относится хорошо, не предъявляетъ педантичныхъ требованій, ведетъ дѣло такъ, что вся главная работа выполняется учениками въ классѣ („поменьше дома, побольше въ классѣ"), позволяетъ не выписывать слова (въ старшихъ классахъ), обращаетъ особое вниманіе на чтеніе авторовъ —— и ученики интересуются классиками.

Они цѣнятъ задушевный тонъ „Воспоминаній“ Ксенофонта, съ охотой переводятъ ихъ.

Но въ большинствѣ случаевъ дѣло обстоитъ иначе. Прежде всего сами учителя бываютъ плохо подготовлены и потому педантичны. Иногда они даже не любятъ своего предмета, попавъ въ филологическій институтъ или на филологическій факультетъ университета въ расчетѣ на стипендію.

Ихъ преподаваніе сухо, шаблонно, все сводится къ грамматикѣ, которая вообще нелюбима учениками. Въ авторахъ, выбранныхъ безъ опредѣленной педагогической, дидактической идеи, ученики видятъ только все новые и новые „грамматическіе фокусы“, „все же разумное, живое, интересное теряется для впечатлительнаго ума и сердца ребенка“.

Грамматика древнихъ языковъ съ ея пресловутой законченностью представляется ученикамъ въ видѣ безконечнаго ряда исключеній изъ исключеній. Кромѣ того каждый составитель учебника по грамматикѣ „заканчиваетъ“ ее по своему и „Цезарь, Саллюстій и Цицеронъ провалились бы на гимназическомъ экзаменѣ по латинскому языку, если бы не держали подъ партой принятаго въ гимназіи учебника“.

„Великолѣпной гимнастикой для ума“ грамматика разумѣется можетъ служить при условіи разумной постановки, какъ и всякій другой предметъ, но плохо поставленная гимнастика да еще въ большомъ количествѣ—есть вещь нестерпимая и безусловно вредная, подрывающая и умственныя и физическія, и нравственныя силы.

Исторія и географія. При серьезныхъ, знающихъ учителяхъ, владѣющихъ словомъ, это любимѣйшіе предметы.

Но очень часто встрѣчаются жалобы на неумѣнье учителей разсказывать, на сухое преподаваніе по учебнику, обыкновенно плохому. Таковъ, напр. для младшихъ классовъ учебникъ Воро-

нецкаго. Мальчику, не знающему никакихъ законовъ физики, приходится говорить о расширеніи, давленіи воздуха и проч.

Естествовѣдѣніе, при наглядности, живости преподаванія, является очень интереснымъ предметомъ. Естествовѣдѣніемъ, при хорошей постановкѣ или при возможности самостоятельно заниматься, очень интересуется та ученица, для которой тотъ же предметъ въ гимназіи былъ единственно нелюбимымъ. Нерасположеніе къ естествовѣдѣнію зависитъ отъ исключительно книжнаго преподаванія, отъ безсмысленнаго заучиванія числа зубовъ, тычинокъ и пр.

Математика является легкимъ, любимымъ и интереснымъ предметомъ, когда учитель, „душа-человѣкъ", прекрасно объясняетъ, центръ тяжести помѣщаетъ въ классныхъ занятіяхъ, не требуетъ отъ учениковъ, чтобы они запоминали только его слова, допускаетъ и иные способы доказательства, сообщенные ученику дома.

Но обыкновенно приходится читать иное. Математика, это прекрасное средство для развитія мышленія, опять таки взваливается на память. Учениковъ заставляютъ заучивать наизусть „записки". „Горе, горе съ этими записками!"

Правило заучивается прежде всего, потомъ слѣдуютъ задачи не по возрасту учениковъ, сложныя, искусственно составленныя, непохожія на условія, которыя встрѣчаются въ жизни. Иные преподаватели задаютъ ученикамъ непосильное число примѣровъ, не удостовѣрившись, всѣ ли они поняли правило. Другіе очень мало рѣшаютъ задачъ, а обращаютъ вниманіе на виртуозную разработку плановъ. Иной разъ неосмотрительно заданная на домъ запутанная задача заинтересуетъ ученика. Онъ идетъ въ классъ, узнаетъ, что и другіе не рѣшили ее, онъ ждетъ учителя, а учитель поставитъ двойку тому, кого пришлось вызвать къ доскѣ и торопится перейти къ слѣдующей задачѣ.

Повидимому, иногда въ зависимости отъ успѣховъ ученика, его родители и высказываются за сокращеніе или расширеніе программъ того или иного предмета, но большинство ясно понимаетъ, что качество преподаваемаго матеріала, его полезность является въ тѣсной зависимости отъ методовъ преподаванія и личности учителя.

Главная бѣда нашей школы въ томъ, что она спѣшитъ достигнуть видимыхъ „результатовъ знанія“ и не обращаетъ вниманія на „процессъ познаванія“. Отсюда обремененіе памяти учащихся.

Любой предметъ при такомъ преподаваніи безполезенъ, неинтересенъ и даже вреденъ.

„Нужно, чтобы школа не обременяла памяти ненужнымъ балластомъ, а выборъ балласта не особенно важенъ“.

Учителя или не интересуются, или не имѣютъ времени показать ученику лучшіе пріемы работы, узнать, въ чемъ онъ затрудняется и пр.

Стоитъ учителю вникнуть, въ чемъ дѣло и онъ подчасъ долженъ признать себя виновнымъ. Если онъ честный человѣкъ, онъ постарается загладить промахъ, ободритъ ученика, котораго наказывалъ за „крайнюю лѣнь“ и потомъ самъ видитъ, какъ ученикъ быстро поправляется и успѣваетъ.

Но чаще бываетъ такъ, что зарегистровавъ ученика лѣнтяемъ, учитель „пилитъ“ его, пока тотъ дѣйствительно не махнетъ на все рукой.

Смѣна учителей, чуть не ежегодная, мало помогаетъ, п. ч. всѣ они одинаково спѣшатъ регистровать учениковъ и не успѣваютъ узнать ихъ.

Отъ этого такъ же мало толку, какъ и отъ частой перемѣны учебниковъ.

Школа вообще мало средствъ знаетъ для поднятія успѣшности. Она призываетъ родителей, требуетъ принятія мѣръ, и

родители сами заботятся о пополненіи пробѣловъ въ позпаніяхъ дѣтей, а школа „только провѣряетъ и оцѣниваетъ ихъ работу“.

Обычная мѣра, рекомендуемая школою для поднятія успѣшности—репетиторъ. Но очень очень рѣдко бываетъ, чтобы серьезно озабоченные воспитаніемъ дѣтей родители были довольны результатами этой мѣры.

Репетиторы могутъ быть полезны лишь въ томъ случаѣ, если они опытны, располагаютъ временемъ и совѣтуются съ преподавателемъ предмета, по которому ученикъ не успѣваетъ.

Но преподаватель, конечно, не можетъ руководить массой репетиторовъ, а сами репетиторы и не опытны и слишкомъ заняты—это вѣдь въ большинствѣ случаевъ тоже ученики. Даже „прекрасные“ хваленые школой репетиторы—ученики неудовлетворительны: они отнимаютъ у своихъ учениковъ много времени, дополняя классныя объясненія учителя, и ученику послѣ ихъ ухода остается мало времени для приготовленія уроковъ. Объясненія репетитора можетъ быть и полезны, но балловая успѣшность ученика понижается.

Впрочемъ, говоря вообще, репетиторы—ученики, „сами уже искушенные опытомъ на поприщѣ добыванія хорошихъ балловъ“, въ смыслѣ улучшенія отмѣтокъ ихъ кліента, извѣстныхъ результатовъ достигаютъ.

Въ нашей переполненной неудовлетворительной школѣ репетиторство неизбѣжное зло.

Иногда школа рекомендуетъ родителямъ другую мѣру—приглашать къ малоуспѣшному ученику болѣе способнаго товарища для совмѣстнаго приготовленія уроковъ, и эта мѣра признается родителями очень полезной.

Съ другой же стороны, если болѣе способный ученикъ по своему почину сходится съ малоуспѣшными, то школа можетъ увидѣть въ этомъ признакъ испорченности.

При обыкновенном невниманіи школы къ малоуспѣшнымъ ученикамъ, родители не знаютъ, какъ имъ благодарить тѣхъ учителей, которые обращаютъ вниманіе на слабыхъ учениковъ.

Къ сожалѣнію это вниманіе выражается иногда въ такой мѣрѣ, какъ послѣурочное оставленіе слабыхъ учениковъ на дополнительный урокъ. И безъ того уставшія дѣти тогда уже неспособны слушать и понимать.

Разумѣется, простое оставленіе послѣ уроковъ, прямо въ наказаніе за двойку и даже за тройку (!) вызываетъ полное осужденіе.

Обычныя награды въ видѣ книгъ и похвальныхъ листовъ, раздаваемыя школой на основаніи равнодушнаго подсчета балловъ, для развитыхъ учениковъ не являются приманкой, а на меньшинство дѣйствуютъ въ смыслѣ поощренія къ безтолковой зубрежкѣ.

Горько жалуясь на постановку учебнаго дѣла, родители не забываютъ, что тутъ виноваты не только тѣ или другіе учителя, директора или учебники, программы, но еще болѣе общія условія, въ какія поставлено наше образованіе.

Однимъ изъ такихъ условій является недостаточное количество школъ и вслѣдствіе этого ихъ переполненность, при которой у преподавателей не хватаетъ времени примѣнять болѣе цѣлесообразные пріемы, чѣмъ сказать: „возьмите репетитора“ или поставить двойку.

Одна бывшая гимназистка пишетъ, что училась она въ небольшой провинціальной гимназіи, гдѣ число ученицъ въ классѣ колебалось между 22 и 7.

Были тутъ и хорошія и плохія учительницы, но въ общемъ „дѣло шло прекрасно“. „Интересъ къ знанію былъ“. Школа знала ученицъ со всѣми ихъ особенностями и не обращаясь къ родителямъ. Учиться было легко и „совсѣмъ не замѣчалось того переутомленія и истощенія, какое пришлось видѣть на млад-

шихъ сестрахъ, которыя учились въ гимназіи большого города съ переполненными класами и формальными отношеніями учителей".

Въ настоящее время школа осаждается желающими учиться и биткомъ набивается послѣ необычайно суроваго конкурснаго экзамена. Отъ повышенныхъ требованій на вступительномъ экзаменѣ сейчасъ же создаются два нежелательныхъ явленія.

Первое заключается въ томъ, что ученикамъ приходится въ младшихъ классахъ повторять старое, пройденное ими для экзамена, они скучаютъ и теряютъ сразу интересъ къ занятіямъ.

Второе явленіе заключается въ томъ, что съ самыхъ первыхъ уроковъ въ школѣ образуется группа малоуспѣшныхъ, если учитель, не желая наскучить хорошо подготовленному большинству, начинаетъ курсъ не съ первыхъ §§ учебника.

Какъ бы родители ни смотрѣли на „балловую успѣшность" или приходится позаботиться о ней, взять репетитора и долбить, думать уже не „о процессѣ познаванія, а о результатѣ знанія".

Вслѣдствіе того же общаго условія дѣти часто попадаютъ въ такое учебное заведеніе, которое несимпатично родителямъ, готовившимъ сына въ другую школу, гдѣ къ несчастью не оказалось вакансій, учатся въ гимназіи потому что другой школы нѣтъ въ родномъ городѣ или *единственно* (подчеркиваютъ родители) потому, что гимназія открываетъ путь на всѣ факультеты университета.

Примирившись поневолѣ съ неудачей, родители особенно желчно относятся къ непорядкамъ школы, что разумѣется не располагаетъ дѣтей къ усерднымъ занятіямъ.

На жалобы дѣтей они отвѣчаютъ: „учись, при мнѣ хуже было", „учись, а то атестата не получишь". И дѣти учатся для атестата, ходя въ школу, какъ на службу.

Замѣчая какія нибудь ошибки школы, родители все таки не рѣшаются указывать на нихъ. Они знаютъ, что всегда могутъ услышать отвѣтъ: если вамъ гимназія не нравится, можете взять вашего сына, мѣсто не останется пустымъ.

Они знаютъ, что школа даже и не можетъ выслушивать заявленія отдѣльныхъ лицъ: ей и некогда, да и кромѣ того она дѣйствуетъ по циркулярамъ, она прежде всего должна выполнить форму, выставить баллы и сообразно съ этимъ поступить, отъ нея свыше требуютъ только формы. „Она не есть что то самодовлѣющее. Она дрожитъ за свою казовую честь. Она, какъ всякая канцелярія, должна представить въ высшія канцеляріи свой по канцелярски составленный отчетъ, гдѣ въ цифрахъ выражено все, что нужно. Въ теоріи, не признавая дѣленія „человѣкъ и ученикъ“, на практикѣ школа цѣнитъ только успѣвающихъ учениковъ, не думая о человѣкѣ. Изъ 90 поступившихъ въ 1-й кл. одного учебного заведенія, до 7-го дошло 6 *учениковъ*, а 84 *человѣка* застряли или выброшены за боргъ“.

Формализмъ школы, зависящій отчасти и отъ ея переполненности, отчасти и отъ предъявляемыхъ къ ней свыше требованій, составляетъ другое общее условіе, дурно отражающееся на дѣлѣ.

Формализмъ школы проявляется въ учебномъ отношеніи двояко (главнѣйшимъ образомъ): въ шаблонномъ выполненіи программъ и въ балловой системѣ.

И директора, и начальницы, и учителя иногда сочувственно выслушиваютъ жалобы родителей, но отвѣчаютъ одно: „ничего не можемъ сдѣлать: съ насъ требуютъ“.

„Учитель — только строгій выполнитель программы, почти заставляющей его говорить тѣми, а не иными словами. Почти всѣ талантливые, лучшіе педагоги или бѣгутъ изъ школы, или оставаясь, неимовѣрно страдаютъ, теряютъ мало по малу интересъ, любовь къ дѣлу, опускаются, впадаютъ въ апатію. Посредствен-

ность же чувствуетъ себя лучше и прибираетъ къ своимъ рукамъ главенство“.

„Человѣкъ, проявлявшій ранѣе сердечность, отличавшійся широтой взгляда и возвышенностью идеаловъ, въ положеніи учителя начинаетъ думать о томъ лишь, чтобы показать казовый конецъ своего преподавательскаго дѣла, чтобы добиться усвоенія предмета въ такомъ видѣ, при которомъ ученикъ могъ бы дать надлежащіе отвѣты на программныя требованія; однимъ словомъ дѣйствуетъ, какъ заправскій педагогъ типа Kinderfresser'овъ. Вольной волею, безъ серьезнаго внѣшняго стимула подобное отступничество людьми не дѣлается“. Такимъ внѣшнимъ стимуломъ является для учителя сознаніе, что упорное нарушеніе и несоблюденіе программъ поведетъ за собой уменьшеніе количества уроковъ, а значитъ и содержанія.

Наскучивъ повтореніемъ одного и того же, учителя безъ объясненій задаютъ уроки, слушаютъ разсѣянно, молча ставятъ двойки, зѣваютъ на урокѣ, опаздываютъ, манкируютъ, готовы по всякому поводу пропустить урокъ — а то и вся гимназія вдругъ забастуетъ по случаю неожиданнаго ремонта.

Теперь учитель заваленъ массой механической работы, напр. по просмотру ученическихъ работъ, которая исполняется часто только въ интересахъ ревизіи начальства и безъ пользы отнимаетъ время, не оставляя учителю досуга для пополненія своихъ свѣдѣній.

Можетъ быть слѣдуетъ согласиться съ бывшимъ народнымъ учителемъ въ томъ, что „преподаватели среднихъ школъ далеко не работаютъ столь много, какъ они говорятъ и во всякомъ случаѣ они работаютъ гораздо менѣе любого сельскаго учителя“, но несомнѣнно также и то, что къ нимъ относится замѣчаніе, многими сдѣланное по вопросу о трудѣ учениковъ: этотъ трудъ утомляетъ и надоѣдаетъ не количествомъ своимъ, а качествомъ

— онъ принудителенъ, сухъ, не интересенъ, ложится на одну память, не требуетъ самостоятельности, творчества.

Само собой понятно, какъ отражаются на развитіи учениковъ указанныя выше условія интеллектуальной дѣятельности учителей.

Въ современной школѣ съ громаднымъ количествомъ учащихся, съ усталыми или плохими учителями, съ формальными требованіями начальства баллы занимаютъ заслуженно почетное мѣсто. Они быстро ставятся, легко поддаются подсчету съ точностью до $^1/_{100}$ и въ сущности недурно показываютъ уровень, до котораго поднялись познанія въ складѣ гимназической памяти.

Иные родители и не видятъ другого средства для сообщенія свѣдѣній объ ученикѣ и только желаютъ, чтобы баллы выставлялись справедливо, и ученику, прекрасно знающему уроки, не ставилась единица въ наказаніе за невниманіе.

Ученики, а за ними и родители привыкаютъ къ тому, что число, обозначающее въ журналѣ познанія ученика, измѣняется прямо пропорціонально числу воспринятыхъ его памятью годовъ, именъ, названій, словъ и обратно пропорціонально числу ошибокъ въ диктантѣ, письменной задачѣ и т. д.

Отсюда жалобы: учитель несправедливъ — одному за 5 ошибокъ ставитъ 1, а другому 3 за 15.

Степень важности ошибокъ, сравнительная цѣнность заученныхъ именъ — не принимается въ расчетъ.

Каждому предоставляется судить, насколько это желательно.

Вообще большую смуту, путаницу вносятъ въ дѣло баллы, и родители почти всѣ чувствуютъ, если и не сознаютъ ясно, что балловая система должна быть отмѣнена.

Иные учителя ставятъ отмѣтки за каждый отвѣтъ, поэтому хорошій ученикъ случайно можетъ получить плохую отмѣтку. Другіе, при выставленіи балла, имѣютъ въ виду общее знаніе ученика и нѣкоторые отвѣты оставляютъ безъ балла. И вотъ

въ одномъ письмѣ находимъ рядомъ два заявленія „Отмѣтки достаточно сообщаютъ объ успѣхахъ учениковъ, если онѣ будутъ ставиться не за каждый неудачный отвѣтъ, а какъ оцѣнка знанія". „Случается такъ: ученикъ отвѣтилъ хорошо, онъ могъ бы и поправить свою двойку, но преподавателю не захотѣлось почему то сейчасъ поставить отмѣтки, потомъ онъ забылъ, а несчастная двойка и осталась.

Допустимъ, что учитель, поставивъ 1 за 5 ошибокъ и 3 за 15, сравнивалъ ошибки по ихъ важности, допустимъ, что въ другомъ случаѣ онъ не по забывчивости не выставилъ 4 вслѣдъ за двойкой, а именно имѣя въ виду „общую оцѣнку знаній — все же фактъ тотъ, что родители не понимаютъ его дѣйствій, и они по своему правы.

Затѣмъ далѣе. При многолюдности классовъ „общая оцѣнка знаніи", часто совсѣмъ немыслима. Учитель успѣваетъ спросить ученика только одинъ разъ, и эта отмѣтка становится „выводомъ" за четверть.

Если же учитель постарается наставить отмѣтокъ побольше, онъ легко можетъ вызвать такое явленіе. Родители возмущаются „закономъ" ставить отмѣтки за повтореніе вновь объясненнаго урока. Нѣкоторыя дѣти неспособны сразу усвоить новое, и ихъ считаютъ плохими учениками, хотя они прилежно готовятъ дома уроки, а другіе ученики мошенничаютъ: заучатъ раньше тотъ урокъ, который еще будетъ только объясняться, получатъ, конечно, хорошую отмѣтку за „повтореніе" объясненія учителя и идутъ на хорошемъ счету.

Такимъ образомъ необходимость отмѣтокъ наноситъ вредъ самому раціональному способу преподаванія.

Въ смыслѣ оцѣнки знаній и матеріала для сужденія объ успѣхахъ ученика имѣетъ особое знаніе отмѣтка на экзаменѣ.

Что же такое экзаменъ?

Экзаменъ это „пережитокъ старины", это „Дамокловъ мечъ", это „лотерея". „Экзамены излишни для учениковъ хорошихъ, а для лѣнтяя даютъ лишь возможность проскочить въ другой классъ случайно".

Но экзамены же являются для нѣкоторыхъ „якоремъ спасенія, потому что здѣсь оцѣниваются полныя знанія ученика по извѣстному предмету, конечно, если не будетъ злоупотребленій со стороны преподавателей, когда они стараются срѣзать, по ихъ мнѣнію, слабыхъ".

Нужно ли еще что-нибудь добавлять для окончательнаго вывода, что отмѣтка ничего не объясняетъ, настоящимъ образомъ не выражаетъ ни общаго развитія ученика, ни достоинства отдѣльнаго отвѣта, даже не даетъ возможности точно сказать, сколько разъ былъ спрошенъ ученикъ.

Кромѣ отмѣтокъ за успѣхи, у насъ есть отмѣтки за прилежаніе, имѣющія такую же цѣнность. Ихъ также можно сосчитать, сложить, раздѣлить, выставить въ отчетѣ, и также по нимъ нельзя судить объ ученикѣ. Прежде всего на основаніи какихъ соображеній школа судитъ о степени прилежанія ученика? Что значитъ средній баллъ за прилежаніе?

Ученикъ, по мнѣнію школы, достойный 4 за прилежаніе по математикѣ и 2 за прилежаніе по латинскому языку, получаетъ въ среднемъ 3 — т. е. столько же, сколько другой не похожій на него ученикъ, „прилежавшій" по всѣмъ предметамъ на 3. Это одинъ пустой формализмъ.

Родители, изрѣдка и то съ большими оговорками, признающіе въ баллахъ средство для сообщенія свѣдѣній объ успѣхахъ ученика, безусловно отрицаютъ значеніе ихъ въ смыслѣ поощренія ученика. „Дѣти занимаются только, чтобы получить хорошія отмѣтки".

„Они готовятъ уроки, когда ждутъ, что ихъ спросятъ".

„Они не готовятъ хорошенько уроковъ, говоря: на тройку знаю, а больше не поставятъ“.

Они плачутъ, получивъ двойку, такъ что отцу приходится уговаривать ихъ; „не горюй что двойка, дѣло не въ двойкѣ, (которую подчеркиваетъ школа), а въ томъ, что ты, очевидно, чего-то не знаешь“.

Очень можетъ быть, что всѣ эти дѣти не стали бы и заглядывать въ свои скучныя книжки, если бы не было двоекъ и пятковъ, но что же сказать о тѣхъ познаніяхъ, которыя претятъ дѣтскому возрасту и воспринимаются только изъ-подъ палки?

Есть же случаи — они указаны, хотя ихъ всего 2 — 3, когда у хорошаго преподавателя дѣло обходилось безъ всякихъ отмѣтокъ.

Но къ стыду школы она не умѣетъ или къ несчастію не можетъ вообще-то дать дѣтямъ понятіе объ удовольствіи знанія, она интереса къ знанію не возбуждаетъ, или возбуждаетъ въ самой скромной степени.

Дѣти учатся для балла, для награды, изъ за страха, на это жалуются всѣ вдумчивые корреспонденты. Изъ одного отвѣта мы узнаемъ, что директоръ какой-то гимназіи часто говаривалъ въ актовыхъ рѣчахъ: Гимназія знаній не даетъ, но она даетъ стремленіе къ знанію.

Но вторая половина этой фразы оказывается невѣрной. Бѣда скорѣе въ томъ, что ученики знаютъ довольно много, но не имѣютъ аппетита къ знанію, къ самодѣятельности, не обнаруживаютъ пытливости ума.

Въ цѣломъ рядѣ писемъ, представляющихъ результатъ многолѣтнихъ наблюденій, рисуется печальная картина постепенной потери этого „аппетита къ знанію“.

Ребенокъ до школы — „живой вопросъ“, все его интересуетъ, все ему надо, онъ на лету усваиваетъ множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Въ школу онъ стремится съ великимъ лю-

бопытствомъ, составивъ о ней понятіе по первоначальному обученію. И вотъ онъ поступаетъ въ школу. И что же? Прогулки, бесѣды, картины — все исчезло. Передъ нимъ только книга. „Масса обрушившихся на него понятій давитъ его своей оболочкой, изъ подъ которой онъ уже и не можетъ разглядѣть того, что около него дѣлается. При отсутствіи наглядности въ обученіи, при неимѣніи пропедевтическихъ курсовъ исторіи, географіи, естествовѣдѣнія, умъ ребенка путается въ хаосѣ опредѣленій, и терминовъ, не вытекающихъ изъ живого наблюденія предметовъ и явленій. Теперь ребенокъ ходячая терминологія, его интересуетъ не явленіе, а значеніе того или другого слова“. Онъ заучиваетъ стихотвореніе съ знаками препинанія, которые для него представляются только запятыми и точками, стоящими по какимъ то таинственнымъ причинамъ передъ тѣми или другими словами, но не выраженіемъ оттѣнка мысли. Онъ слѣдитъ, какъ строка за строкой, столбецъ за столбцомъ выравниваются подъ его перомъ буквы и цифры, онъ собираетъ, нумеруетъ и бережетъ зачѣмъ то старыя тетради. Послѣ нѣсколькихъ грубыхъ окриковъ учителя, онъ привыкаетъ молчать, не дѣлать вопросовъ и сидѣть неподвижно по цѣлымъ часамъ. Если его духъ силенъ, то онъ начинаетъ прорываться въ протестѣ, и „многихъ талантливыхъ учениковъ, не выносящихъ мертвечины, выбрасываетъ или затаптываетъ школа, въ то время какъ посредственность съ хорошей памятью, мирясь со всѣмъ, что ей преподносятъ, идетъ въ главѣ класса“. Горе, если школа зорко слѣдитъ за ученикомъ, онъ ничѣмъ не можетъ увлечься, что не входитъ въ число учебныхъ предметовъ. Родители съ сожалѣніемъ разсчитываютъ учителя музыки, чтобы не помѣшать учебнымъ занятіямъ. Школа забирается въ интересы ученика, узнаетъ, что онъ читаетъ дома и „внѣклассное чтеніе, оцѣниваемое балломъ, опошляется, теряетъ свое значеніе“. Поэтому ученики даже любятъ равнодушныхъ учителей: эти не такъ строги. Является возможность нѣсколько

приспособиться, вызнать, когда можно не готовить урока. Къ старшимъ классамъ ученики уже обыкновенно пріобрѣтаютъ особую сноровку: они готовятъ уроки утромъ, передъ уроками, во время перемѣнъ и так. обр. выкраиваютъ время и для игры и для чтенія и для музыки.

Только такимъ образомъ, независимо отъ школы и наперекоръ ей, благодаря книгамъ и товарищамъ, развивается и сознательное отношеніе къ дѣйствительности. Но все же „въ результатѣ долгаго школьнаго періода ни солидныхъ, хотя бы и не особенно многостороннихъ познаній, ни замѣтнаго общаго умственнаго развитія", а какое то „верхоглядство, чувство превосходства вмѣстѣ съ умственнымъ рабствомъ". „Семьѣ приходится бороться съ сухимъ резонерствомъ, съ тщеславнымъ зубоскальствомъ, создаваемымъ казарменной учебой", „съ мальчишескими глупостями, въ которыхъ единственно можетъ проявиться самостоятельность жертвъ нашей сверхъ-культуры". Въ счастливомъ случаѣ юноши оканчиваютъ гимназію съ чувствомъ неудовлетворенности, сознавая, что имъ „много нужно работать надъ собой самостоятельно, чтобы имѣть право называться средне-образованнымъ человѣкомъ".

Нравственное развитіе учащихся.

Вообще говоря, отъ школы родители не требуютъ воспитанія нравственнаго, при этомъ иные оговариваются, что они желали бы, чтобы обученіе шло рядомъ съ воспитаніемъ, но убѣдились раньше, что современная школа воспитанія не дастъ, дурно воспитанныхъ дѣтей не исправляетъ, а исключаетъ.

Другіе находятъ, что открытое учебное заведеніе и не можетъ воспитывать, что воспитаніе должно главнымъ образомъ остаться заботою родителей, а школа могла бы способствовать воспитанію единственно устройствомъ публичныхъ лекцій по этому вопросу.

Во всякомъ случаѣ школа удовлетворяетъ лишь самыя скромныя ожиданія насчетъ воспитанія, настолько скромныя, что родители, признающіе воспитательное вліяніе школы на ихъ дѣтей, не замѣчаютъ все таки нравственной связи воспитанниковъ и воспитателей, а о нравственныхъ убѣжденіяхъ, вынесенныхъ изъ школы, или умалчиваютъ, или прямо даютъ отрицательный отвѣтъ, подобно всѣмъ другимъ корреспондентамъ.

Къ дѣлу нравственнаго воспитанія современная школа приступаетъ, съ „негодными средствами". Вся проникнутая формализмомъ, канцелярщиной, школа вноситъ эту грязь и въ святая святыхъ дѣтскаго сердца, пытается и чувство зарегистровать и оклеить своимъ ярлычкомъ.

Среди учебныхъ предметовъ школы находится Законъ Божій. Надлежащее преподаваніе его могло бы болѣе всего дѣйствовать на нравственное чувство учениковъ, но на дѣлѣ мы находимъ иное. И на урокахъ Закона Божія нѣтъ мѣста живой

бесѣдѣ и пытливый ученикъ рискуетъ заслужить опасную репутацію атеиста.

Многихъ тревожитъ неумѣлое отношеніе школы къ религіозному чувству учениковъ, которое отъ обычныхъ пріемовъ школы теряетъ искренность и сводится на подневольное исполненіе внѣшнихъ движеній.

За послѣднее время сталъ распостраняться обычай устраивать въ школахъ разныя развлеченія, они дѣйствительно очень полезны въ воспитательномъ отношеніи: дѣти стряхиваютъ съ себя обычное настроеніе, оживляются, съ радостью ждутъ желаннаго дня и даже учатся лучше.

Но очень скоро эти развлеченія стали пониматься школьнымъ начальствомъ, какъ что-то полу-обязательное, и оно устраиваетъ и спектакли, и вечера, и чтенія, но „по казенному,“ „скучно-офиціально,“ „сухо-торжественно“, „на показъ“, что, конечно, чувствуется и учениками. Они не могутъ не замѣчать противорѣчія между устройствомъ спектакля или литературнаго вечера и безусловнымъ воспрещеніемъ входа въ театръ и публичную библіотеку.

Да ученикамъ еще иной разъ и не до развлеченій, некогда и смотрѣть спектакль, не только ужъ готовить роль.

Среди другихъ отзывовъ о значеніи развлеченій встрѣчается и замѣчаніе о нежелательности выводить на сцену молодежь, подвергать ее суду зрителей и волновать самолюбіе дешевыми лаврами.

Но вѣдь отъ педагогическаго такта воспитателей и родителей зависитъ устранить вредный элементъ. Намъ извѣстно, что въ одной школѣ устраивались увеселенія, но безъ всякихъ овацій и аплодисментовъ юнымъ исполнительницамъ.

Во всякомъ случаѣ вліяніе сценическаго успѣха, зависящаго все таки отъ извѣстнаго таланта, неизмѣримо выше вліянія обычныхъ школьныхъ наградъ и поощреній. Польза сихъ послѣднихъ признается родителями съ большими ограниченіями.

даже совершенно отрицается, потому что онѣ достаются часто не по справедливости, назначаются по посторонним соображеніямъ — сыновьямъ богатыхъ родителей или „фарисейчикамъ", иногда въ самихъ награждаемыхъ вызываютъ стыдъ, въ ихъ товарищахъ возбуждаютъ зависть, развиваютъ прислуживаніе, карьеризмъ, готовятъ въ ученикѣ будущаго чиновника-подхалима.

Наказанія, имѣя цѣлью также служить нравственнымъ воздѣйствіемъ, приводятъ почти всегда къ печальнымъ отрицательнымъ результатамъ или не достигаютъ никакого результата. Причина заключается въ томъ, что они обыкновенно не вытекаютъ изъ существа вины, не убѣждаютъ ученика, что онъ не правъ, назначаются безъ всякаго соображенія, являясь, какъ бы местью, удовлетвореніемъ оскорбленнаго начальства. Они только подзадариваютъ или озлобляютъ ученика. Нѣкоторыя изъ нихъ прямо непедагогичны и безнравственны — таково мореніе голодомъ, стояніе въ углу для ученика старшаго класса за то, что онъ послѣ звонка былъ не на мѣстѣ, заключеніе въ классѣ на нѣсколько часовъ въ праздничный день съ воспрещеніемъ всякаго занятія.

Въ одномъ письмѣ приводятся слѣдующія строки, написанныя ученикомъ 7-го класса, послѣ оставленія его „безъ обѣда" за непосѣщеніе всенощнаго бдѣнія въ назначенной начальствомъ церкви, и послѣ насмѣшекъ надъ нимъ, что онъ будто-бы пытался обмануть директора, заявляя о головной боли и прося отложить наказаніе до другого дня.

„Я дошелъ до ужаснаго состоянія. . . Но все прошло. Только въ сердцѣ порою встаетъ какая то тупая боль. Жаль себя, жаль испорченнаго характера, жаль моей прежней доброты и снисхожденія"..

Всѣ дурныя послѣдствія наградъ и наказаній, возникающія изъ: ихъ случайности, безцѣльности, несправедливости, замѣчаются и отъ балловой и экзаменаціонной системы, которая совмѣщаетъ

въ себѣ и награды и наказанія. Эта система отнимаетъ у образованія присущій ему нравственный элементъ, вноситъ въ среду товарищей зависть, злобу, мелочность, обманъ.

Съ исходомъ экзаменовъ связаны честолюбивые виды учениковъ и даже учителей; однимъ нужны награды, медали, аттестаты, другимъ отличіе отъ начальства. И вотъ послѣ 9 лѣтней борьбы тѣ и другіе соединяются для обмана, учителя указываютъ, какъ нужно писать, чтобы попасть въ тонъ.

Конечно не безразлично въ нравственномъ отношеніи и выкрадываніе темъ съ помощью подкупа, что изрѣдка практикуется абитуріентами и въ случаѣ удачи даетъ основаніе ожидать отъ нихъ въ недалекомъ будущемъ дѣльцовъ какой-нибудь „Панамы".

Представляя невѣрное, формальное по существу, но скорое и легкое средство для всего дѣлопроизводства объ ученикѣ, баллы и экзамены отчасти затушевываютъ нравственный вредъ того явленія, на которое указывалось уже въ главѣ объ умственномъ развитіи учениковъ, именно переполненности школъ, но при первой попыткѣ школы замѣнить цифровую оцѣнку ученика болѣе разумнымъ пріемомъ, всплываетъ наружу непосильность такой задачи.

Одна мать съ восторгомъ пишетъ о какомъ-то учителѣ приготовительнаго класса, который обо всемъ, что касается успѣховъ и поведенія учениковъ, письменно сообщалъ родителямъ, давая имъ возможность своевременно принять нужныя мѣры. Признавая такой порядокъ весьма желательнымъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, она сама-же въ другомъ мѣстѣ письма и возражаетъ себѣ. Она жалуется, что въ другой, извѣстной ей школѣ, поступки ученика заносятся въ особый журналъ, но родителямъ объ этомъ не сообщаютъ, самъ учитель, записавшій ученика, забываетъ объ этомъ, ученикъ шалитъ попрежнему, грубитъ учителю, попадаетъ еще разъ въ журналъ, и тогда не унимается,

и вдругъ—карцеръ. Это является для всѣхъ неожиданностью. Родители недовольны, ученикъ ожесточается. Что же слѣдовало бы дѣлать? Учителю, имѣющему теперь до 30 недѣльныхъ уроковъ въ многолюднѣйшихъ 5 — 8 классахъ, нужно бы обдумывать и излагать свои наблюденія надъ учениками во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній въ трехъ мѣстахъ: 1) въ своей записной книжкѣ; 2) дневникѣ ученика; 3) въ училищномъ журналѣ. Возможно ли это? „Если въ семьѣ 4 дѣтей, отцу съ матерью тяжело. А если у инспектора сотня другая учениковъ, да ему приходится заглянуть въ душу ихъ, то онъ физически этого не сможетъ дѣлать. Дѣятельность воспитателя тутъ я приравниваю къ дѣятельности врача на десятки тысячъ жителей и на 40 — 50 верстъ раіона". Такъ пишетъ родитель, вообще то очень рѣзко отзывающійся о школѣ.

Недосугъ съ одной стороны, требованія свыше—съ другой, отсутствіе настоящихъ педагогическихъ познаній—съ третьей, ведутъ къ тому, что школа употребляетъ пріемы, нецѣлесообразность которыхъ ей самой ясна.

Большого распространенія достигаютъ строгія, массовыя наказанія, захватывающія правыхъ и виноватыхъ, и соединяющія учениковъ для одной цѣли, борьбы съ дисциплиной, борьбы упорной, небрезгающей никакими средствами.

Отношеніе школы къ ученикамъ многими сравнивается съ отношеніемъ суда къ подсудимому, притомъ суда дореформеннаго, формальнаго.

О нравственной связи нѣтъ и рѣчи, школа и не нуждается въ ней, подобно любому присутственному мѣсту. Она только пытается всякое душевное движеніе ученика отмѣтить цифрой. Постоянно видя судъ надъ собой, желаніе поймать его, выслѣдить, школьникъ привыкаетъ такъ же и самъ относиться къ окружающему. Въ немъ развивается тщеславіе, высокомѣріе. То, что зовется жалѣніемъ, снисходительностью къ слабому, без-

корыстною помощью не за страхъ, а за совѣсть, школа внѣдрить не можетъ. Лживость, изворотливость, запуганность, послушаніе изъ страха, въ виду начальства и необузданность, „зазнайство“ за спиной начальства, передъ младшими товарищами, въ семьѣ, по отношенію къ прислугѣ, напримѣръ — вотъ всѣ послѣдствія „казарменной учебы“. Страхъ, который внушала школа въ младшихъ классахъ, переходитъ потомъ въ насмѣшливое отношеніе, въ презрѣніе.

Въ этой порчѣ дѣтскаго характера отчасти, конечно, виноваты и родители. Иные изъ нихъ принципіально отказываются отъ нравственнаго воздѣйствія на дѣтей, предоставляя имъ, какъ они хотятъ, вѣдаться со школой и только твердя имъ о безусловномъ повиновеніи.

Другіе не пытаются разъяснять школѣ ея промахи, ссылаясь на то, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, и не пробуя провѣрить слуховъ о томъ, что школа не любитъ вмѣшательства родителей, что она мститъ ученикамъ за это и т. д.

Между тѣмъ совсѣмъ нельзя сказать, чтобы школа оставалась глуха къ заявленіямъ родителей, нельзя сказать, чтобы она была совершенно неправа и въ томъ, что оставляетъ безъ вниманія нѣкоторыя требованія родителей: послѣдніе бываютъ иногда „совершенно невинны въ педагогикѣ“, кромѣ того ихъ требованія естественно представляются школѣ личными, случайными, въ виду ихъ малочисленности, и обыкновенно они являются запоздавшими, когда ни директоръ, ни учитель не могутъ исправить постановленія совѣта. Отсутствіе опредѣленныхъ формъ, опредѣленной организаціи для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ воспитанія съ педагогическимъ персоналомъ — вотъ на что указываютъ родители послѣ вдумчиваго разсмотрѣнія дѣла. Но тутъ уже не виновата та или другая гимназія.

Не виновата, конечно, каждая отдѣльная гимназія и въ томъ, что она не можетъ удовлетворить родителей, если и сдѣлаетъ все, отъ нея зависящее.

Ежегодно она предоставляетъ родителямъ прослушать отчетъ, въ которомъ съ добросовѣстной точностью выражены цифрами всѣ свойства и познанія учениковъ.

Но каковъ ученикъ, какія затрудненія встрѣчаются въ воспитаніи его и проч. — цифрой выразить нельзя, и такъ „ускользаетъ чрезвычайно важная сторона — признаніе въ ученикѣ человѣка, по мѣрѣ силъ своихъ совершенствующагося, человѣка внѣ формы, отчета“. Недовольные тѣмъ, что весь результатъ родительскаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія выразится при современномъ строѣ школы единственно въ измѣненіи какой-нибудь цифры, родители предпочитаютъ совсѣмъ не вмѣшиваться.

Точно также и учителя, сознавая это, избѣгаютъ родителей и всякаго общества, гдѣ они могутъ выслушать упреки за то, въ чемъ они лично не виноваты.

Въ концѣ концовъ, какъ бы то ни было, между школой и семьей существуетъ разладъ, который въ высшей степени неблагопріятно вліяетъ на нравственное развитіе учащихся. Чтобы какъ нибудь ослабить его дѣйствіе, родители обрываютъ на полусловѣ ребенка, когда онъ вздумаетъ разсказывать о „несправедливостяхъ“ учителей, или, скрѣпя сердце, пытаются успокоить его, найти оправданіе школѣ, напередъ почти увѣренные, что изъ ихъ словъ ничего не выйдетъ.

Иные впрочемъ считаютъ такой пріемъ излишнимъ и не стараются закрыть глаза на начавшееся критическое отношеніе дѣтей къ школѣ, явившееся конечно результатомъ сравненія того, что говорится родителями, съ тѣмъ, что бываетъ въ школѣ. Случайность или нѣтъ, но отцу, по возможности объективно разбирающему жалобы и разсказы и не обрывающему ребенка, не

приходится слышать „полулегендарныхъ“ разсказовъ. Сынъ передаетъ ему то, что случилось „въ простомъ повѣствовательномъ тонѣ“; наоборотъ у родителей, совѣтующихъ „терпѣть“, дѣти ненавидятъ гимназію.

Въ отдѣльныхъ, счастливыхъ случаяхъ, пробѣлъ въ нравственномъ воспитаніи, зависящій отъ указанныхъ выше болѣе или менѣе общихъ условій, пополняется отдѣльными, одиноко стоящими учителями.

Кое гдѣ слышится благодарная нотка по адресу гуманныхъ, справедливыхъ учителей, которые заботятся объ общемъ развитіи учениковъ, вникаютъ въ ихъ нужды, ободряютъ ихъ духъ, упавшій послѣ какой-нибудь несправедливости и т. д. О такихъ учителяхъ вспоминаютъ ихъ ученики и послѣ окончанія гимназіи. Эти учителя даютъ выходъ дѣтской потребности любить.

Но это „единицы“, „рѣдкость“, они не въ почетѣ у начальства и въ гимназіи недолгіе гости.

Существующая система не благопріятствуетъ нравственному развитію и воспитателей. Они сами выходятъ изъ той же школы, куда потомъ являются въ званіи учителя. Характера и у нихъ немного, какъ и у теперешнихъ учениковъ. При неудачѣ они опускаютъ руки и отрекаются отъ идеаловъ. Почему?

Потому, что всѣ условія учительскаго положенія таковы чтобы искоренить въ учителѣ самостоятельный, бодрый духъ, безъ котораго нельзя быть нравственно сильной, вліяющей на другихъ, личностью. Послѣ гимназической учебы, студентъ натерпится въ университетѣ „и голода и холода и страха іудейска,“ и потомъ является въ гимназію безъ особенно большихъ познаній, не увѣренный въ себѣ. Положеніе его и въ матеріальномъ и въ служебномъ отношеніи самое незавидное. Педагогическое дѣло требуетъ постояннаго пополненія свѣдѣній, а для этого ни времени, ни средствъ не хватаетъ. Кромѣ того, „по самому свой-

ству своему, это дѣло допускаетъ усмотрѣніе и произволъ начальства въ большей степени, чѣмъ другая дѣятельность. Дѣятельность администратора, судьи у всѣхъ на глазахъ, она оставляетъ извѣстный слѣдъ, а педагогъ, кромѣ отмѣтокъ, не можетъ ничего привести въ оправданіе на упреки въ дурномъ преподаваніи, нежелательномъ вліяніи на учениковъ. Ему приходится думать не объ установленіи сердечныхъ отношеній къ учащимся, а о казовомъ концѣ своего дѣла". „Формальное давленіе на него вырабатываетъ въ немъ Молчалина „Человѣка въ футлярѣ", а не самостоятельнаго художника — воспитателя", доводитъ его до какого то озлобленія, проявляющагося въ отношеніяхъ къ ученикамъ.

Кромѣ того, школа заваливаетъ учителей, равно какъ и учениковъ, такой массой каторжной работы, что имъ некогда быть отцами, сыновьями, братьями и особенно гражданами. „Между тѣмъ смѣшно и говорить о нравственномъ характерѣ, когда нравственныя убѣжденія, чувства не имѣютъ случая проявиться въ поступкахъ и поэтому постепенно высыхаютъ, оставляютъ въ душѣ какую то пустыню". „Для самыхъ возвышенныхъ идеаловъ есть опасность заглохнуть въ узкой профессіональной атмосферѣ. При настоящемъ положеніи дѣла, учитель имѣетъ общеніе главнымъ образомъ съ учениками, которые представляютъ готовый контингентъ слушателей, обязанныхъ безъ возраженій слушать все то, что скажетъ учитель. Многолѣтняя дѣятельность при такихъ условіяхъ необходимо развиваетъ въ учителяхъ прежде всего нетерпимость къ чужому мнѣнію, затѣмъ привычку къ доктoральному, догматическому тону, наконецъ склонность къ безконечнымъ словоизверженіямъ. Наилучшимъ коррективомъ въ этомъ случаѣ могло бы быть частое сношеніе съ людьми другихъ профессій". Догматизмъ, нетерпимость особенно сказывается въ вопросахъ о школѣ. „Смѣть свое сужденіе имѣть въ вопросахъ школы многими считается смѣшной, глупой и даже дерзновенной

мыслью. Если педагоги утверждают: „Вы не смѣете отвѣчать на вопросы, поставленные Педагогическимъ отдѣленіемъ“, то чего ждать отъ частнаго обращенія къ нимъ. Снисходительно-высокомѣрнаго выслушиванія и только. Родители являются въ отдѣленіе, думая узнать, чему и какъ учатъ ихъ дѣтей. Учителя должны бы здѣсь будить педагогическую мысль родителей, внушать имъ педагогическія идеи, но ихъ почти нѣтъ на засѣданіяхъ, они не находятъ нужнымъ обсуждать свои дѣла на глазахъ отцовъ и матерей. Съ такими учителями, такъ узко понимающими свои обязанности, не можетъ быть единенія у родителей“. Учителя даже въ обращеніи съ родителями на глазахъ дѣтей не воздерживаются отъ грубости... Но незачѣмъ перечислять всѣхъ недостатковъ учителей, о которыхъ пишутъ разные родители, которые могутъ быть у каждаго человѣка. Достаточно было указать на недостатки профессіональные, чтобы судить о нравственномъ вліяніи средняго педагогическаго персонала.

Можетъ быть слѣдуетъ только отмѣтить, что родители, имѣвшіе возможность сравнить положеніе дѣла въ различныхъ школахъ, свидѣтельствуютъ, что въ воспитательномъ отношеніи, въ смыслѣ отношенія къ учащимся классическая гимназія стоитъ ниже всѣхъ другихъ школъ — ниже реальнаго училища, ниже частныхъ и даже казенныхъ женскихъ гимназій, ниже городскихъ училищъ, ниже сельскихъ, начальныхъ школъ, ниже, наконецъ, „прежнихъ, вообще дурныхъ, нѣмецкихъ заведеній“.

Нужно добавить, что послѣднее заявленіе исходитъ отъ русскаго лица, подписавшаго свое имя, которое не позволяетъ думать о „некомпетентности“.

Теперь остается поговорить о воспитательномъ вліяніи товарищества школьнаго.

„Постоянная близость дѣтей и юношей одинхъ лѣтъ и изъ разныхъ общественныхъ положеній и слоевъ является однимъ изъ немногихъ положительныхъ свойствъ современной школы.

Но и здѣсь, надо сказать, администрація школы старается вносить посильную „долю вреда". . .

Товарищи иногда только и заставляютъ ученика любить школу.

Въ старшихъ классахъ товарищество имѣетъ серьезное значеніе въ смыслѣ выработки нравственныхъ убѣжденій, сознательнаго отношенія къ дѣйствительности путемъ чтенія, изданія гимназическихъ журналовъ, обмѣна мыслей по поводу слышаннаго и прочитаннаго. Товарищи поддерживаютъ другъ друга и въ тяжелыя минуты.

Но въ школахъ, гдѣ нѣтъ единенія между учителями и родителями, и даже нѣтъ связи у педагоговъ другъ съ другомъ, гдѣ многія условія порождаютъ между учениками зависть, вражду, гдѣ воспитатели по непонятному капризу вмѣшиваются въ дружбу учениковъ, товарищескій духъ не можетъ быть сильно развитъ и тѣмъ болѣе не можетъ не имѣть дурныхъ результатовъ. Не говоря уже о коллективныхъ шалостяхъ, обманахъ и т. п., мы находимъ ясное указаніе на то, что отрицательныя стороны всесословнаго товарищества школы не встрѣчаютъ отпора въ школьныхъ порядкахъ. Одни родители жалуются, что ихъ дѣти перенимаютъ отъ товарищей изъ низшихъ классовъ общества дурныя манеры, скверныя слова, глупые, низменные взгляды и т. п., другіе родители, конечно, тоже не безъ основаній, видятъ вредное вліяніе дѣтей богатыхъ родителей въ томъ, что ихъ сыновья и дочери заражаются форсомъ, начинаютъ стыдиться физическаго труда, своего ненаряднаго костюма, грубо обращаются съ прислугой и т. п.

Школа, не вѣря въ лучшія чувства учениковъ, всѣ мѣры принимаетъ къ тому, чтобы предупредить и искоренить дурныя и, не успѣвая въ послѣднемъ, не даетъ развиться хорошему, живому человѣку.

Ея формализмъ сушитъ, очерствляетъ и даже озлобляетъ молодыя сердца. Въ молодежи нашей нѣтъ живой игривости, жизнерадостности.

Все что могло бы готовить молодежь къ жизни, дать понятіе о современномъ строѣ церкви, государства, общества, выкинуто изъ учебныхъ программъ и не пополняется бесѣдами учителей или хорошо направляемымъ чтеніемъ. Масса ненужнаго хлама вмѣсто того забиваетъ голову гимназиста, въ которой нѣтъ и не можетъ быть хоть какого-нибудь міровоззрѣнія. Давая нѣкоторое представленіе о нравственныхъ идеалахъ, школа не даетъ простора перейти идеалу въ жизнь; ученикъ, видя кромѣ того противорѣчія между словомъ и дѣломъ своихъ воспитателей, начинаетъ критически относиться ко всѣмъ хорошимъ словамъ, считать ихъ пустой фразой; озлобленный въ школѣ, онъ выходитъ въ жизнь, не зная жизни, но уже съ наклонностью находить вездѣ однѣ дурныя стороны. Эта наклонность въ связи съ его незнаніемъ, какъ поправить дѣло, съ его испорченнымъ характеромъ, становится источникомъ несчастья, разочарованія въ себѣ и въ людяхъ.

Состояніе здоровья учащихся.

Условія физическаго развитія учащихся въ современной школѣ настолько извѣстны, вліяніе школы на здоровье проявляется въ такихъ наглядныхъ формахъ, что Педагогическое отдѣленіе даже и не спрашивало родителей, ожидали ли они отъ школы физическаго воспитанія.

Характерно то, что многіе родители совсѣмъ не касаются въ своихъ письмахъ вопроса о здоровьи учащихся или отвѣчаютъ неопредѣленно: „измѣнилось къ худшему", „не улучшилось", „нормально".

Какъ относиться къ этимъ заявленіямъ о нормальности здоровья, можно судить по нѣсколькимъ любопытнымъ сопоставленіямъ

„Какъ при поступленіи, такъ и во все время пребыванія въ гимназіи здоровье моего сына нормально" читаемъ мы въ одномъ письмѣ „и только зрѣніе сдѣлалось болѣе слабымъ". На послѣдніе 7 вопросовъ, которые и касаются главнымъ образомъ физическаго воспитанія, отвѣтовъ совѣтъ нѣтъ.

„Состояніе здоровья дѣтей удовлетворительное и за время ученья не измѣнилось", находимъ мы въ отвѣтѣ на 41 вопросъ. А изъ отвѣтовъ на вопросы 50, 55, 56 узнаемъ, что 12-лѣтній мальчикъ сталъ уже страдать нервностью, во время экзаменовъ находится въ болѣзненно нервномъ состояніи, по ночамъ галлюцинируетъ и бредитъ, а первоклассница дѣвочка ощущаетъ головную боль по утрамъ, во время экзаменовъ нервничаетъ, ночью бредитъ, а днемъ плаксива.

Мальчикъ, учащійся въ такой школѣ, которая въ смыслѣ образованія даетъ больше, чѣмъ ожидали родители, желающіе впрочемъ уничтоженія предметовъ, не примѣняющихся къ жизни, „былъ здоровъ и остался здоровымъ“. У него появилась только сгорбленность, да во время экзаменовъ, „сильное нервное напряженіе чувствуется въ домашней жизни“.

Собственно говоря гимнастика, существующая почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ казенныхъ, должна бы служить выраженіемъ заботливости школы о физическомъ воспитаніи дѣтей.

Но на самомъ дѣлѣ она „проходится“, какъ и другіе третьестепенные предметы въ родѣ рисованія, кое какъ, потому только, что надо выполнить всѣ №№ росписанія уроковъ, утвержденнаго въ округѣ.

Находятся правда ретивые учителя, которые даютъ дѣтямъ „записки“ по этому предмету, такъ что малыши уже ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда же имъ станутъ ставить и баллы по гимнастикѣ, но во всякомъ случаѣ наши преподаватели гимнастики — фельдфебели, офицеры не представляютъ, чѣмъ должна быть гимнастика въ учебномъ заведеніи.

Нѣсколько однообразныхъ „кривляній“, польза которыхъ не ясна и для родителей, не только для учениковъ, да военная маршировка, утомляющая и безъ того утомленныхъ дѣтей — вотъ все, что практикуется въ большинствѣ школъ.

При этомъ надо замѣтить, что часто для гимнастики школа не располагаетъ даже надлежащимъ помѣщеніемъ, не говоря уже о хорошемъ дворѣ.

Гимнастика производится гдѣ-нибудь въ тѣсной комнатѣ, въ коридорѣ, въ подвалѣ, въ манежѣ съ землянымъ поломъ. Сильныя движенія, бѣганье учащаютъ дыханіе, а воздухъ портится, съ полу поднимается пыль, которая лѣзетъ въ горло, въ волосы, въ глаза. Эта гимнастика для болѣзни, а не для здоровья.

Естественно, что дѣти вообще равнодушны къ гимнастикѣ, даже не любятъ и избѣгаютъ ея.

Кое-гдѣ практикуются въ школѣ игры; дѣти ихъ любятъ больше гимнастики. Но школа и тутъ умѣетъ внести формализмъ, несовмѣстимый съ понятіемъ о живой, веселой дѣтской игрѣ, она принуждаетъ всѣхъ дѣтей принимать участіе въ одной игрѣ, по выбору наставницы.

На самостоятельно выбранныя дѣтьми игры она часто смотритъ, какъ на простую возню, шалость и прекращаетъ ихъ, разставляя играющихъ по угламъ, что вызываетъ ихъ „недоумѣніе“.

Забывая исторію Илюши Обломова, она сажаетъ ученика въ карцеръ на $1^1/_2$ часа за игру въ снѣжки.

Подобнаго рода мѣры въ связи съ тѣмъ, что ученикамъ, уставшимъ отъ одного урока и не безъ страха ожидающимъ другого, бываетъ ужъ не до игры, наши дѣти привыкаютъ не играть, а въ понятіи „первыхъ учениковъ“ игры представляются чѣмъ то „не принятымъ“, „неприличнымъ“.

Затѣмъ всѣ условія школьной жизни не благопріятствуютъ физическому развитію учащихся.

На первомъ планѣ стоитъ непосильность умственной работы, что особенно замѣтно въ младшихъ классахъ, пока ученики сноровки работать не имѣютъ и стараются всѣ уроки приготовить добросовѣстно.

Но даже и въ томъ случаѣ, когда сноровка есть, когда и сами ученики заботятся о своемъ здоровьи, и родители смотрятъ, чтобы они не засиживались по вечерамъ, на работу все таки приходится не меньше 5—6 часовъ, не считая того времени, которое въ этихъ случаяхъ употребляется ученикомъ на внѣклассное чтеніе.

Среднее же число часовъ, употребляемыхъ на классныя занятія и домашнее приготовленіе уроковъ, равняется приблизи-

тельно 8 — 9 часамъ, а иногда, при исполненіи письменныхъ работъ и во время экзаменовъ особенно, доходятъ до 12 — 13 часовъ. Въ женскихъ гимназіяхъ, повидимому и въ обычное время число рабочихъ часовъ приближается къ maximum'у.

На почвѣ такой непосильной работы развиваются болѣзненныя явленія, иногда замѣтныя только въ учебное время и исчезающія на каникулахъ, а иногда остающіяся и по окончаніи гимназіи.

Для учениковъ младшаго возраста является слишкомъ длиннымъ нашъ 50 минутный урокъ. Физически здоровому ребенку трудно болѣе полчаса просидѣть смирно на жесткой скамьѣ.

Вредно вліяетъ на учениковъ обиліе письменной работы, которая слишкомъ щедро имъ задается. Изъ за нѣсколькихъ неправильно написанныхъ буквъ, имъ приказываютъ вновь переписать весь урокъ, излишнимъ требованіемъ чистоты, особенно въ женской, гимназіи, даже отъ черновыхъ тетрадей, заставляютъ ихъ имѣть двѣ таковыхъ—одну для себя, другую для ревизіи. Между тѣмъ при недостаточномъ надзорѣ ученики сидятъ за тетрадями, сильно согнувшись и наживаютъ боль въ спинѣ.

Одно пребываніе въ тѣсныхъ, плохо вентилированныхъ, мало или неправильно освѣщаемыхъ классахъ, вызываетъ разныя болѣзненныя явленія.

Система балловъ и экзаменовъ губительно дѣйствуетъ на здоровье, постоянно поддерживая ученика въ возбужденномъ состояніи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ доводя до какого то. изступленія или столбняка, или паническаго ужаса, заставляющаго ученика бѣжать изъ города, куда глаза глядятъ. Ученики доходятъ во время экзаменовъ до какого то одеревенѣнія, такъ что приходится давать имъ возбуждающія средства. Обмороки истерика, даже нервная горячка вотъ указываемыя послѣдствія экзаменовъ. На экзамены зрѣлости иные ученики идутъ съ

такимъ зловѣщимъ спокойствіемъ, которое пугаетъ родителей, заставляя ихъ предполагать, что въ головѣ сына носится мысль о какомъ то страшномъ выходѣ въ случаѣ неудачи. Вѣроятно такое спокойствіе предшествуетъ самоубійствамъ.

Самое обыкновенное наказаніе въ нашей школѣ, оставленіе безъ обѣда, нецѣлесообразное въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія, бываетъ часто цѣлесообразно въ томъ смыслѣ, что ученикъ отъ переутомленія теряетъ аппетитъ и остается дѣйствительно безъ обѣда.

Послѣ наказаній несправедливыхъ, жестокихъ или унизительныхъ, дѣти не спятъ ночей, плачутъ, теряютъ аппетитъ, нервничаютъ и пр.

Разнаго рода школьныя непріятности вызываютъ множество нервныхъ болѣзненныхъ явленій.

Школа о многихъ своихъ грѣхахъ въ этомъ отношеніи не знаетъ, потому что врачи, существующіе при школахъ, всѣхъ учениковъ не свидѣтельствуютъ, на совѣтахъ не присутствуютъ и, вообще, должность ихъ имѣетъ характеръ синекуры.

А между тѣмъ какой разнообразный матеріалъ можетъ дать школа для медицины! Вотъ перечень болѣзней, названныхъ въ отвѣтахъ.

Нервныя болѣзни: общая нервность, раздражительность, безсонница, кошмары, галлюцинаціи, бредъ, истерика, плаксивость, подергиваніе личныхъ мускуловъ, неврастенія, нервная горячка. (До 40 заявленій).

Близорукость. (10 заявленій).

Малокровіе и связанныя съ нимъ явленія: головная боль, кровотеченіе изъ носу, потеря аппетита, вялость, истощеніе силъ, слабость и др. (До 30 заявленій).

Сгорбленность и боль въ спинѣ.

Переутомленіе мозга, выражающееся въ притупленіи ума.

Обмороки.

Нужно добавить, что обыкновенно эти болѣзненныя явленія замѣчаются въ учащихся не порознь, а разнообразно составленными группами: нервность и болѣзнь спины, близорукость, разстройство пищеваренія и конвульсіи и т. д.

Одинъ изъ корреспондентовъ называетъ жалкой и смѣшной комедіей торжественный обрядъ освидѣтельствованія печати на конвертѣ, скрывающемъ темы, присланныя изъ округа на экзамены зрѣлости.

И дѣйствительно и жалко, и смѣшно заботиться о цѣлости сургучной печати и не думать объ исковерканной, больной душѣ и искалѣченномъ тѣлѣ „абитуріентовъ", которые, первымъ дѣломъ послѣ окончанія гимназіи, должны будутъ выкинуть изъ головы то, что имъ дали и позаботиться о возстановленіи здоровья, которое у нихъ отняли, поневолѣ запуская университетскія занятія.

Родители, имѣя въ виду не только ту гимназію, гдѣ учатся ихъ дѣти, но и все, что они видѣли и слышали, относительно другихъ школъ и дѣтей говорятъ:

Пусть лучше школа даетъ намъ много здоровыхъ, крѣпкихъ физически и нравственно, энергичныхъ, честныхъ и жизнерадостныхъ людей, хотя бы и не столь ученыхъ, вмѣсто того, чтобы губя физически и нравственно большинство нашихъ дѣтей, кичиться тѣмъ, что изъ нея выходитъ и десятокъ ученыхъ. Вѣдь еще сомнительно, не стали ли эти люди учеными, благодаря своей счастливой, здоровой организаціи, вслѣдствіе благопріятной комбинаціи посторонних вліяній и . . . вопреки обезпечивающимъ школьнымъ условіямъ". . . . .

Одна мать отъ имени многихъ, согласныхъ съ нею матерей, заключаетъ такъ свое обширное письмо:

„Сердце каждой истинной матери обливается кровью при взглядѣ на своихъ родныхъ школьниковъ, этихъ несчастныхъ, беззащитныхъ жертвъ нашей цивилизаціи, которыя съ 9—10 лѣтняго возраста не знаютъ уже, что такое беззаботная, веселая юность,

которыя съ утра до вечера, а то и до поздней ночи изнываютъ отъ тяжелой умственной работы въ сидячемъ, часто сгорбленномъ положеніи въ плохо вентилированныхъ классахъ — пытка для дѣтскаго духа и дѣтскаго организма, въ періодѣ его роста, когда необходимы игры, движеніе, бѣготня на свѣжемъ воздухѣ. И что же въ результатѣ такого нелѣпаго давленія на тѣло и духъ нашихъ бѣдныхъ дѣтей — хилое, слабое, нервное поколѣніе, которое вяло, тускло проползаетъ свой жизненный путь, неспособное полному пользованію радостями жизни, неспособное интересоваться великими, захватывающими вопросами современности, неспособное глубоко сочувствовать людямъ-братьямъ, неспособное ощутить духовный подъемъ — печальная картина нашей сверхъ-культуры".

Подъ этими строками подписались бы многіе и многіе изъ корреспондентовъ, высказывающіе подобныя же мысли.

Этотъ жалобный голосъ семьи всего слышнѣе. Можетъ быть есть въ обществѣ люди, думающіе совсѣмъ иначе, знающіе другіе факты, но они не подали голоса, доказавъ, что по крайней мѣрѣ благодарности, готовности отстаивать свое мнѣніе, что бы ни говорили другіе, — школа не воспитала въ нихъ.

Желательная постановка школы.

Разнаго рода пожеланія высказываются всѣми корреспондентами; они касаются то нѣкоторыхъ измѣненій въ существующихъ программахъ и способахъ обученія, то коренныхъ реформъ при дружномъ усиліи со стороны государства и общества, какъ въ смыслѣ матеріальныхъ пожертвованій, такъ и упорной умственной работы.

Едва ли не самымъ первымъ и общимъ пожеланіемъ нужно признать общедоступность средняго образованія и равноправность всѣхъ типовъ средней школы.

Съ открытіемъ параллельныхъ классовъ и новыхъ школъ, всѣ желающіе могли бы безъ труда попасть въ болѣе подходящую для нихъ школу, сразу ослаблено было бы вредное вліяніе переполненія школъ, проявляющееся теперь въ непомѣрно строгихъ конкурсныхъ экзаменахъ, въ преутомленіи учащихъ, теперь лишенныхъ возможности отнестись ко всѣмъ ученикамъ съ должнымъ вниманіемъ, и вообще въ формализмѣ нашей школы.

Съ предоставленіемъ большихъ правъ на высшее образованіе лицамъ, окончившимъ курсъ не въ гимназіи, но и въ средней школѣ другого типа, классическая гимназія, утративъ свое теперь господствующее положеніе, не стала бы такъ безпощадно выбрасывать за бортъ всѣхъ, кто не подходитъ подъ ея мѣрку и эти выброшенные не лишались бы надежды добраться до университета инымъ путемъ.

Повсюду въ отвѣтахъ сквозитъ одна мысль, формулированная однимъ корреспондентомъ такъ:

„Каждое среднее учебное заведеніе, будь то гимназія или реальное училище, должно удовлетворять двумъ задачамъ:

сообщать своимъ потомцамъ извѣстный кругъ необходимыхъ для жизни знаній по разнымъ отраслямъ наукъ, съ которыми они уже не встрѣтятся впослѣдствіи въ разныхъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и дать молодымъ людямъ необходимую подготовку для прохожденія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Лица, касающіяся вопроса о женскихъ гимназіяхъ и низшихъ школахъ, распространяютъ это общее положеніе и на женское и низшее образованіе.

Преобразованіе одной средней школы и притомъ лишь двухъ ея типовъ—классической и реальной гимназіи признается очень узкой постановкой вопроса о нашей школѣ.

Надобно и низшее образованіе поставить такъ, чтобы низшая школа давала хорошо подготовленныхъ учениковъ для средней, а средняя должна выпускать хорошо подготовленныхъ слушателей для высшей школы, которая, въ свою очередь, должна быть такъ преобразована, чтобы изъ нея выходили хорошо подготовленные учители и воспитатели слѣдующаго поколѣнія.

Весь учебный матеріалъ въ школѣ будущаго долженъ быть передаваемъ на строго - педагогическихъ началахъ, прежде всего исключающихъ мысль о ранней спеціализаціи, общепризнанномъ недостаткѣ современной школы, онъ долженъ быть усваиваемъ съ участіемъ не одной памяти, но и всѣхъ душевныхъ способностей учащихся, онъ долженъ способствовать не только всестороннему умственному, но и нравственному развитію ихъ.

„Программы должны быть не обременительны, послѣдовательны, строго принаровлены къ возрасту, понятіямъ учащихся, содержательны и интересны, чтобы при хорошихъ методахъ преподаванія пробудить въ дѣтяхъ любознательность и дать имъ умѣнье по выходѣ изъ школы производительно заниматься расширеніемъ своего образованія“.

БИБЛИОТЕКА

Дѣти самого младшаго школьнаго возраста усваиваютъ въ общемъ одни и тѣ же знанія и однимъ и тѣмъ же путемъ во всѣхъ низшихъ сельскихъ и городскихъ школахъ и низшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній—городскихъ училищъ, классич. гимназій, реальныхъ, военныхъ и другихъ училищъ.

На первомъ планѣ должны быть здѣсь наглядность обученія, которое теперь иными „педагогами" считается пустякомъ, пригоднымъ только „въ какой-нибудь сельской школѣ". Музей, а не книга, живая природа, а не печатныя строчки—вотъ правило для этого періода обученія. Здоровому ребенку трудно высидѣть часъ на школьной скамейкѣ, нужно сдѣлать получасовые уроки. Дѣти любятъ прогулки, надо извлекать изъ этого пользу, бесѣдуя о видѣнномъ на прогулкѣ. Нужно избѣгать всего отвлеченнаго, не нужно душить пытливость ребенка, забрасывая его готовыми опредѣленіями. Науки въ этомъ періодѣ нельзя показывать ребенку: она для него еще жесткая пища. Нужны лишь пропедевтическіе курсы разныхъ предметовъ, какъ это теперь дѣлается въ хорошихъ начальныхъ школахъ. Книгу не нужно устранять, но нужно дать ребенку интересную книгу, подобную „Родному Слову," чтобы ребенокъ безъ насилія, безъ поощренія, безъ балла и награды, читалъ изъ одного удовольствія свой учебникъ. Вся тяжесть занятій лежитъ въ классѣ, дома ученикъ только повторяетъ.

Въ этотъ періодъ ученики узнаютъ немногое, но усвоятъ это хорошо, получатъ нѣкоторое развитіе, и иные изъ нихъ, напр. дѣти бѣднѣйшихъ сельскихъ и городскихъ обывателей, на этомъ закончатъ свое *школьное* образованіе.

Слѣдующій періодъ, соотвѣтствующій возрасту 12—14 лѣтъ, падаетъ на послѣдніе классы 4-хъ классной прогимназіи, городского училища и т. д. Въ эти классы помимо дѣтей, прослушавшихъ младшій курсъ въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ,

безпрепятственно поступаютъ и дѣти, окончившіе курсъ начальной школы. Среди послѣднихъ, кромѣ дѣтей крестьянскихъ, могутъ оказаться дѣти сельской интеллигенціи (врачи, духовные, учителя и пр.). которая, конечно, съ радостью будетъ пользоваться возможностью продержать сына лишній годъ или два около себя, не затрудняя ему пути къ дальнѣйшему образованію. Этотъ порядокъ будетъ дорогъ и для тѣхъ городскихъ родителей, которые живутъ вдали отъ мѣста нахожденія гимназіи, и теперь, минуя находящіяся, можетъ быть, вблизи начальныя школы, должны обрекать своихъ дѣтей на ежедневное утомительное путешествіе.

Во 2-мъ періодѣ обученіе уже извѣстнымъ предметамъ общеобразовательнаго начальнаго курса нѣсколько расширяется и систематизируется строже.

Книга и систематическій отвѣтъ заданнаго урока играютъ бо́льшую роль. Естественно-историческія прогулки могутъ сопровождаться краткими записями и т. д.

Къ прежнимъ предметамъ (русскій языкъ. ариѳметика, исторія, географія, физика, естествовѣдѣніе), прибавляются новые языки, которые, конечно, изучаются по натуральному методу.

Въ городскихъ училищахъ новые языки могутъ быть и необязательны.

Въ этомъ періодѣ уже можно ожидать, что при содѣйствіи семьи и школы у учащихся станутъ опредѣляться ихъ наклонности, являться первые помыслы о будущей спеціальности. Курсомъ городского училища или прогимназіи и т. п. заведеній можетъ ограничиться тотъ, кто не желаетъ или не можетъ продолжать образованіе, но имѣетъ достаточный запасъ свѣдѣній теоретическаго и практическаго характера, достаточную привычку къ труду, чтобы занять какое-либо неотвѣтственное мѣсто.

Въ слѣдующемъ періодѣ обученія, т. е., приблизительно, съ 15 лѣтняго возраста, наряду съ обще-образовательными предметами,

проходимыми болѣе подробно, болѣе научно, выдвигаются спеціальные предметы. Въ классическихъ гимназіяхъ съ 5-го класса начинается знакомство съ древними языками для одних, расширеніе курса естественныхъ и математическихъ наукъ для другихъ; въ реальныхъ, военныхъ, духовныхъ и др. подобныхъ училищахъ усиливается преподаваніе соотвѣтствующихъ спеціальныхъ предметовъ.

До 5-го класса переходъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое возможенъ безъ всякихъ затрудненій, и въ 5-й классъ безпрепятственно принимаются дѣти, окончившія курсъ городскихъ училищъ или 4-хъ классовъ школы другого типа, такъ что родители, живущіе въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ могутъ безъ опасеній отдавать своихъ сыновей въ мѣстныя школы любого типа. Съ 5-го класса переходъ изъ школы одного типа въ школу другого типа уже нѣсколько труднѣе, но все несравненно легче, нежели теперь, напр., переходъ изъ 2-го класса реальнаго училища въ 3-й классъ гимназіи и т. п.

Даже древніе языки не будутъ представлять особого препятствія для какого-нибудь реалиста, кадета, желающаго въ одномъ изъ старшихъ классовъ перейти изъ своего учебнаго заведенія, въ классическую гимназію.

Эти языки будутъ, конечно, изучаться не такъ, какъ теперь, а болѣе практически, притомъ учителями, знающими хорошо и любящими свой предметъ и не связанными по рукамъ и по ногамъ програмой. Если и теперь тѣ же самые учителя, которые въ теченіе 8 лѣтъ и съ грѣхомъ пополамъ подготовляютъ гимназистовъ къ экзамену зрѣлости, на свободѣ, частнымъ образомъ къ тому же экзамену готовятъ, напр., дѣвицъ въ 1$^1/_2$—2 г., а къ экзамену по латинскому языку за 4 класса гимназіи — въ 3 — 4 мѣсяца, то въ будущей гимназіи, подъ руководствомъ болѣе опытныхъ и снисходительныхъ учителей, мальчикъ, уже

довольно развитой и сознательно относящійся къ дѣлу, быстро догонитъ своихъ новыхъ товарищей.

Сокращеніе грамматическаго матеріала и всего, что излишне обременяетъ программы нашей школы, улучшеніе методовъ преподаванія, — все это должно уменьшить количество затрачиваемой учащимися энергіи, увеличить производительность труда и позволитъ ввести въ старшіе классы средней школы нѣкоторые новые предметы.

Грамматика древнихъ языковъ, которая теперь считается орудіемъ для развитія формальнаго ума, должна уступить мѣсто болѣе совершенному орудію — логикѣ, разумѣется не въ томъ жалкомъ видѣ, какъ она проходится въ современной гимназіи.

Русская школа должна быть національной. Образованному человѣку стыдно не знать своей родины и тѣхъ соотечественниковъ, которые сдѣлали ее европейской державой, вызвали уваженіе къ ея духовной силѣ.

Высшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній должны основательно познакомить учениковъ съ новой русской исторіей и новой литературой. Это должно быть достигнуто не столько уроками, сколько умѣло направляемымъ внѣкласснымъ чтеніемъ. „Было-бы желательно, по мѣрѣ возможности, пріучать учениковъ къ самостоятельной критической оцѣнкѣ разбираемыхъ писателей путемъ соотвѣтственныхъ рефератовъ и сочиненій на историко-литературныя темы. При задаваніи темъ, слѣдовало бы указывать и на источники.

Указаніе источниковъ несомнѣнно способствовало бы повышенію общаго развитія и въ тоже время, уже въ стѣнахъ гимназіи, пріучало бы къ чисто научному методу работы по источникамъ".

Въ интересахъ же отчизновѣдѣнія слѣдуетъ, сокративъ курсъ древней библейской церковной исторіи, ознакомить учениковъ съ

современнымъ церковнымъ строемъ и религіозными теченіями мысли въ современной Россіи, а также съ исторіей раскола.

Необходимымъ представляется и введеніе элементарнаго курса законовѣдѣнія въ качествѣ самостоятельнаго предмета. Это будетъ возвращеніемъ къ старому, но не всегда же такое возвращеніе плохо.

„Оканчивая курсъ средняго учебнаго заведенія, молодые люди имѣютъ достаточныя понятія объ историческомъ прошломъ разныхъ народовъ, о географическихъ особенностяхъ разныхъ странъ, объ элементарныхъ математическихъ и физическихъ законахъ и проч., но не имѣютъ въ то же время никакого представленія о своихъ правахъ и обязанностяхъ въ качествѣ членовъ Государства, о кругѣ вѣдомства разныхъ государственныхъ учрежденій. За отсутствіемъ какой либо подготовки въ этой области, каждый, не прошедшій спеціальнаго курса юридическихъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, при всякомъ столкновеніи съ юридическими вопросами, чувствуетъ себя совершенно безпомощнымъ, между тѣмъ какъ при самомъ элементарномъ знакомствѣ съ юриспруденціей, могъ бы самъ оріентироваться въ простѣйшихъ случаяхъ, при содѣйствіи подходящей книжки законовъ. Знаніе отечественнаго законодательства тѣмъ важнѣе, что, согласно 62 ст. основныхъ законовъ, никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, надлежащимъ порядкомъ обнародованнаго“.

Одинъ изъ родителей, наиболѣе обстоятельно развившій это предложеніе, помѣстилъ въ своемъ письмѣ примѣрную программу курса, которая, по его мнѣнію, можетъ быть выполнена при 6 и даже при 5 недѣльныхъ урокахъ во всѣхъ трехъ старшихъ классахъ. (См. стр. 59).

Наконецъ, указывается на то, что изъ общеобразовательной школы учащіеся должны вынести и привычку, и умѣнье пользоваться рисунками и чертежами, которые нужны и ученому въ его сочиненіи, и преподавателю въ классѣ, и судебному слѣдо-

вателю при осмотрѣ мѣстности, и врачу при предъявленіи на судѣ своихъ заключеній. Въ виду этого, преподаванію черченія и рисованія въ средней школѣ нужно придать серьезный характеръ.

Въ будущей школѣ рука объ руку идутъ заботы объ умственномъ, нравственномъ, физическомъ развитіи учащихся, о подготовкѣ ихъ къ практической жизни, выработкѣ характера.

Въ школѣ, не запугивающей учениковъ, не заставляющей ихъ дни и ночи сидѣть надъ книгой, уже сама природа будетъ заботиться о физическомъ развитія учениковъ.

Но за этимъ слѣдитъ и школа. Въ ней нѣтъ безсмысленной гимнастики въ закрытомъ неудобномъ помѣщеніи, за то есть игра на свѣжемъ воздухѣ, лѣтомъ уроки плаванья, зимой катанье на конькахъ и настоящій ручной трудъ, а не подражаніе ему. Для мальчиковъ этотъ ручной трудъ можетъ состоять хотя бы просто въ пилкѣ и колкѣ дровъ, для дѣвочекъ въ посадкѣ деревьевъ, устройствѣ садовыхъ клумбъ и т. п. Для этого желательно, чтобы каждая школа могла располагать хотя небольшимъ участкомъ земли.

Забота о физическомъ здоровьѣ учениковъ возложена ближайшимъ образомъ, во-первыхъ, на классныхъ наставниковъ и классныхъ дамъ, которые наблюдаютъ за равномѣрнымъ распредѣленіемъ домашнихъ занятій по днямъ недѣли и, во-вторыхъ, на училищныхъ врачей, которые періодически осматриваютъ всѣхъ учениковъ, всегда готовы помочь имъ лѣкарствомъ и совѣтомъ и участвуютъ съ правомъ голоса на педагогическихъ совѣтахъ.

Самымъ разнообразнымъ цѣлямъ служатъ дальнія прогулки учащихся подъ руководствомъ учащихъ, съ катаньемъ на лодкахъ, собираніемъ разныхъ коллекцій, посѣщеніемъ музеевъ, осмотромъ памятниковъ старины и проч., и проч.

Теоретическое изученіе родной мѣстности, признаваемое очень желательнымъ, на этихъ прогулкахъ дополнялось бы самыми

разнообразными свѣдѣніями, и такимъ образомъ развивалась бы въ ученикахъ любовь и интересъ къ родинѣ.

Здѣсь устранялось бы и то прискорбное явленіе, что „человѣкъ, окончившій среднее учебное заведеніе, не въ состояніи указать научное названіе ни одного цвѣтка, ни одного камешка родной мѣстности“.

Но научное значеніе прогулокъ не должно итти въ ущербъ ихъ воспитательному значенію. Нежелательно, чтобы, кромѣ ботаническихъ, минералогическихъ коллекцій, ученики собирали и зоологическія.

„Если приходится мириться съ истребленіемъ живыхъ существъ при серьезныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, то, во всякомъ случаѣ, нельзя рекомендовать того же подрастающему юношеству. Въ юныхъ сердцахъ надо стремиться укрѣпить уваженіе ко всякому проявленію жизни и отнюдь не накладывать руку на живое существо, тѣмъ болѣе, что для полученія одного экземпляра для коллекціи молодежь не постѣснится истребить совершенно безполезно десятки особей.“

Прогулки должны имѣть большое воспитательное значеніе и въ томъ отношеніи, что здѣсь укрѣплялась бы нравственная связь между учениками и учителями, подрастающее поколѣніе извлекало бы пользу изъ общенія съ взрослыми.

Вообще школа должна такъ вести дѣло, чтобы дѣти исподоволь становились взрослыми, получая постепенно все болѣе и болѣе простора для проявленія своей разносторонне-развивающейся натуры. Въ старшихъ классахъ имъ нужно предоставлять возможность выступить и съ самостоятельными работами и съ живой, собственной рѣчью, наприм. на литературныхъ вечерахъ, пріобрѣсти и проявить общительность, находчивость, такъ необходимыя для жизни, на вечерахъ танцовальныхъ, устроенныхъ школою.

Преподаванiе Закона Божiя, исторiи, классической, западноевропейской и русской литературы должно знакомить учениковъ не съ именами, годами и цифрами, а съ живыми людьми. Побужденiя, идеалы, поступки этихъ людей должны быть выясняемы ученикамъ примѣнительно къ ихъ возрасту. Но нужно позаботиться о томъ, чтобы ученики и на дѣлѣ могли слѣдовать великимъ образцамъ, проводить въ свою жизнь усвоенныя идеи.

Осуществленiе такого образованiя немыслимо безъ хорошо подготовленныхъ учителей, которые во всемъ должны будутъ служить образцомъ образованныхъ и нравственныхъ людей. Какъ же создать такихъ учителей?

Вышеизложенный планъ низшаго и средняго образованiя покоится на слѣдующихъ основныхъ идеяхъ: концентричность обученiя, постепенность перехода отъ нагляднаго, конкретнаго обученiя къ научному, абстрактному, постепенное усиленiе специализацiи, которая совершенно отсутствуетъ въ первоначальномъ обученiи.

Согласно съ этими основами, въ университетѣ будущiй учитель и будущiй начальникъ учебнаго заведенiя, и ревизоръ, и, можетъ быть, будущiй публицистъ по школьнымъ вопросамъ, получаетъ широкое, научное образованiе и, кромѣ того, прiобрѣтаетъ специальныя педагогическiя познанiя, знакомится не только съ ученой, но и учебной литературой избранныхъ предметовъ и, разумѣется, ихъ самымъ обстоятельнымъ образомъ изучаетъ. Далекимъ отъ такого положенiя дѣлъ представляется настоящiй порядокъ, когда напр. „будущаго словесника и историка въ высшемъ учебномъ заведенiи душатъ латинской грамматикой, греческой метрикой и древностями“.

Положенiе студента въ образовательномъ, экономическомъ и др. отношенiяхъ должно быть такъ улучшено и поставлено, чтобы возбудить и сохранить въ немъ „сильный, самостоятельный, бодрый духъ“.

Въ тѣхъ же отношеніяхъ и съ той жъ цѣлью должно быть измѣнено положеніе учителя.

Съ хорошимъ общимъ научнымъ и спеціальнымъ образованіемъ, съ желаніемъ послужить дѣлу, послѣ основательнаго испытанія въ званіи кандидата, учитель будущаго совсѣмъ не нуждается въ постоянныхъ циркулярныхъ указаніяхъ, которые вырабатываютъ въ немъ теперь типъ робкаго Молчалина, не даютъ простора самодѣятельности „художника-воспитателя".

Необходимо избавить его отъ произвола директора, который можетъ теперь закабалить его, хлопая по карману, отъ надменности ревизоровъ, которые, не давая ему полезныхъ указаній, третируютъ его, какъ мальчишку, какъ онъ самъ, въ свою очередь, третируетъ ученика.

Какъ школьнику для укрѣпленія нравственныхъ понятій, нужно товарищество, нуженъ досугъ для выполненія обязанностей члена семьи, такъ учителю необходимо должна быть дана возможность общественной дѣятельности.

Для этого онъ долженъ быть избавленъ отъ непосильной работы и поставленъ въ условія, при которыхъ онъ могъ бы и нравственно обязанъ былъ бы не отставать отъ современности, не смотрѣть въ обществѣ пришельцемъ изъ другого міра, вызывающимъ то свысока сочувственные, то снисходительно-насмѣшливые взгляды.

Учителя должны взять на себя руководство семейно-педагогическими кружками, отсутствіе которыхъ лежитъ на отвѣтственности всей провинціальной интеллигенціи.

Учителя должны путемъ публичныхъ лекцій сѣять въ обществѣ правильныя педагогическія идеи.

Тогда, независимо отъ предписаній, личность учителя, общеніе съ нимъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, которыя теперь трудно и предусмотрѣть, будетъ образовательно и воспитательно дѣйствовать на дѣтей, вліяя на ихъ сердце и волю.

Тогда, при гуманномъ отношеніи школы, имѣющей возможность знать своихъ учениковъ, при замѣтномъ распространеніи въ обществѣ педагогическихъ идей, школьныя наказанія будутъ исключительнымъ явленіемъ. Вразумленіе, совѣтъ, вліяніе на стыдъ, совѣсть—вотъ воспитательныя средства новой школы.

Самъ освобожденный отъ мелкаго, придирчиваго, недовѣрчиво-враждебнаго начальственнаго контроля и залѣзанія въ душу, преподаватель не забудетъ, что „Христосъ подходилъ къ грѣшному не съ тѣмъ, чтобы выставлять ему отмѣтку по поведенію, не съ тѣмъ, чтобы написать нравственную характеристику, но съ тѣмъ, чтобы пробудить совѣсть, вложить въ человѣка духъ бодръ; онъ не станетъ подходить къ ученику съ дубовымъ аршиномъ, запугивая его, заставляя его ежиться и прятаться въ свою скорлупу. Тогда онъ можетъ заполучить отъ ученика безкорыстное довѣріе, не будетъ регламентировать его внутренній міръ по канцелярскимъ клѣточкамъ". Напрасно требовать, чтобы учитель предоставилъ ученику „свободу внутренней жизни", когда онъ самъ ея не имѣетъ.

При настоящемъ строѣ, школа не можетъ быть въ единеніи съ обществомъ. Это единеніе дѣло будущаго.

Исправленной школѣ, увѣренной въ своихъ дѣйствіяхъ нечего будетъ избѣгать этого единенія. Тогда могутъ осуществиться пожеланія родителей о допущеніи ихъ въ педагогическій совѣтъ. по крайней мѣрѣ, четыре, два раза или хоть одинъ разъ въ годъ.

Безпрепятственное гласное обсужденіе въ печати школьныхъ мѣропріятій было бы лучшимъ средствомъ для исправленія всегда возможныхъ ошибокъ.

Побольше свѣта и воздуха надо внести въ школу.

Такое положеніе дѣла было бы гораздо желательнѣе, полезнѣе, чѣмъ то, когда говорить о школѣ въ печати считается чуть не преступленіемъ, а между тѣмъ негласно, безъ провѣрки и опроверженія изъ семьи въ семью расходятся „полулегендар-

ные, прикрашенные обиженнымъ самолюбіемъ учащихся, разсказы объ учителяхъ".

Одинъ изъ тѣхъ корреспондентовъ, которые въ широкой гласности видятъ могущественное средство улучшенія школьнаго дѣла и охраненія его лучшихъ сторонъ, говоритъ.

„Для меня непонятно, почему я, заплативъ свои 50 рублей, не имѣю права знать, что дѣлается съ этими рублями, а тѣмъ болѣе вліять на ихъ употребленіе. Общество деревенскихъ мужиковъ, выстроивъ школу, имѣетъ право представительства въ дѣлахъ школы, а намъ, родителямъ учениковъ средней школы, этого права не дано"...

„Пусть будетъ побольше гласности и общественнаго контроля надъ дѣлами школы. Приходится высказать благодарность судьбѣ за существованіе Педагогическаго Отдѣленія Литературнаго Кружка, которое даетъ возможность духъ формализма убивать духомъ свободнаго и всесторонняго обсужденія школьныхъ недуговъ".

ВОПРОСЫ

родителямъ учащихся.

(Отъ педагогическаго отдѣленія Литературнаго кружка).

Въ виду того, что въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ о серьезныхъ реформахъ средней школы, педагогическое отдѣленіе рижскаго Литературнаго кружка сочло своевременнымъ собрать мнѣнія и наблюденія родителей учащихся и всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ воспитанія, сдѣлать сводъ этихъ мнѣній, разработать ихъ и опубликовать полученные результаты. Составивъ съ этой цѣлью рядъ вопросовъ, касающихся различныхъ сторонъ школьной жизни, педагогич. отдѣленіе обращается къ родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ учащихся какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ покорнѣйшей просьбой дать отвѣты на предлагаемые ниже вопросы, если не на всѣ, то, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые, съ ихъ точки зрѣнія наиболѣе важные.

Отдѣленіе, надѣясь на отзывчивое и сочувственное отношеніе родителей учащихся къ его предпріятію, проситъ доставить отвѣты не позже половины декабря сего года Предсѣдателю отдѣленія П. Х. Ѳедорову (Николаевская ул., № 2). Примѣчаніе. Отдѣленіе предоставляетъ корреспондентамъ право не подписывать своего имени подъ отвѣтами. Необходимо, чтобы каждый отвѣтъ былъ помѣченъ тѣмъ же номеромъ, какимъ обозначенъ вопросъ.

1) Въ какомъ учебномъ заведеніи (въ гимназіи, реальн. уч., кадет. корп., частн. уч. и т. д.) и въ какомъ классѣ находится вашъ сынъ (ваша дочь)?

2) Сколько ему теперь лѣтъ?

3) Чѣмъ вы руководились при выборѣ учебнаго заведенія? (Невозможность выбора, права, продолжительность обученія, практич. соображенія и проч.).

4) Ожидали ли вы отъ школы только образованія или-же и воспитанія?

5) Оправдываются ли ваши ожиданія? Если нѣтъ, то почему?

6) Случалось ли вамъ совѣщаться по поводу успѣховъ и поведенія ученика съ преподавателями, классными наставниками инспекторомъ, директоромъ? Какъ часто бывали эти совѣщанія? По чьему почину состоялись они: по вашему, или вы были вызываемы учебнымъ начальствомъ? Удовлетворялись ли вообще этими совѣщаніями?

7) Обращалась ли къ вамъ школа за свѣдѣніями объ особенностяхъ вашего сына въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ?

8) Не приходилось ли вамъ обращать вниманіе школы на нецѣлесообразность какихъ-либо ея учебно - воспитательныхъ пріемовъ?

9) Сопровождались ли ваши заявленія удовлетворительными результатами?

10) Если вы, замѣчая недостатки или ошибки школы, не дѣлали заявленій, то что васъ удерживало?

11) Не можете ли указать случаевъ противорѣчія между требованіями школы и семьи?

12) Какими средствами, по вашему мнѣнію, можетъ быть достигнуто единеніе между семьей и школой въ дѣлѣ воспитанія?

13) Считаете ли вы отмѣтки достаточнымъ средствомъ сообщенія свѣдѣній объ ученикѣ?

14) Не находите ли вы, что школа страдаетъ формализмомъ?

15) Въ чемъ, по вашему мнѣнію, заключается формализмъ школы, и въ какихъ случаяхъ онъ особенно проявлялся?

16) Какими средствами возможно его устранить или ослабить?

17) Каково отношеніе вашего сына къ учебному заведенію? (Любитъ-ли онъ школу, относится ли къ ней равнодушно или враждебно?).

18) Есть ли у него любимые и нелюбимые учителя? За что любитъ однихъ и не любитъ другихъ?

19) Существуетъ ли какая-либо нравственная связь между учениками съ одной стороны и учителями и воспитателями съ другой, какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея?

20) Жалуется ли вашъ сынъ на несправедливость и пристрастіе преподавателей? Не передаетъ ли какихъ-либо разсказовъ, рисующихъ ихъ съ невыгодной стороны? Что вы считаете нужнымъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ?

21) Возбуждаетъ ли школьное преподаваніе въ учащемся интересъ къ знанію, и удовлетворяется ли его любознательность учебнымъ матеріаломъ, даваемымъ школой?

22) Къ какимъ предметамъ ученикъ относится съ особенною любовью и къ какимъ съ нерасположеніемъ?

23) Чѣмъ объясняется то или другое отношеніе? (самый предметъ, способъ преподаванія и пр.).

24) Какія измѣненія въ школьныхъ программахъ вы желали бы видѣть? (Устраненіе нѣкоторыхъ предметовъ, введеніе новыхъ, расширеніе или сокращеніе курса предметовъ и пр.) Какія основанія можете вы привести въ защиту предлагаемыхъ вами измѣненій? (Несоотвѣтствіе съ возрастомъ, требованіями современной жизни и т. д.).

25) Не ведутъ ли существующіе два типа школы къ спеціализаціи съ младшихъ классовъ? Не лучше ли было бы уничтожить ее и какъ?

26) Насколько школа развиваетъ въ учащемся устойчивость характера, твердыя нравственныя убѣжденія и сознательное отношеніе къ окружающей его дѣйствительности?

27) Какими средствами, по вашему мнѣнію, школа могла бы содѣйствовать нравственному воспитанію въ широкомъ смыслѣ?

28) Какія мѣры принимали вы въ случаѣ неуспѣшности дѣтей?

29) Насколько удовлетворительны были результаты принятыхъ мѣръ?

30) Какія мѣры рекомендуются и принимаются школой по отношенію къ отставшимъ и малоуспѣвающимъ ученикамъ, и какого мы мнѣнія объ этихъ мѣрахъ?

31) Приходилось ли вамъ пользоваться услугами репетитора? Чѣмъ это было вызвано и каковы были результаты?

32) Какимъ наказаніямъ подвергался въ школѣ вашъ сынъ и за что?

33) Принимались ли при этомъ во вниманіе индивидуальныя особенности ученика, соразмѣрность между наказаніемъ и проступкомъ, постепенность наказаній и пр.?

34) Какое вліяніе оказываютъ наказанія на вашего сына?

35) Какія, по вашему мнѣнію, наказанія цѣлесообразны и какія нецѣлесообразны?

36) Принимало ли учебное заведеніе другія мѣры, кромѣ карательныхъ, для воздѣйствія на ученика?

37) Какими способами школа поощряетъ или награждаетъ учащихся?

38) Какое вліяніе оказываютъ школьныя награды и поощренія на награждаемыхъ и ихъ товарищей?

39) Какія развлеченія (концерты, спектакли, литературные вечера и пр.) устраиваются школой, и какъ относитесь къ нимъ вы и учащіеся?

40) Насколько силенъ духъ товарищества въ школѣ?

Какія положительныя и отрицательныя стороны вліянія товарищей на вашего сына замѣтили вы? (Взгляды, привычки, манеры и пр.)

41) Каково было состояніе здоровья вашего сына при поступленіи въ школу? Не измѣнилось ли оно, въ зависимости отъ условій школьныхъ занятій и въ какомъ направленіи?

42) Какова успѣшность учащагося въ школьныхъ занятіяхъ вообще и по отдѣльнымъ предметамъ въ частности (русск. яз., древн. яз., матем., новые языки и т. д.)?

43) Если онъ не успѣваетъ, то чѣмъ вы это объясняете: его личными свойствами (болѣзнь, неспособность, непривычка къ труду и пр.), неблагопріятными домашними или школьными условіями?

44) Занимается-ли ученикъ утромъ, до отправленія въ школу, какимъ-либо умственнымъ или физическимъ трудомъ? и сколько времени?

45) Укажите maximum и minimum уроковъ въ еженедѣльномъ росписаніи?

46) Сколько часовъ въ среднемъ употребляетъ онъ на приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню?

47) Какъ значительны уклоненія отъ указаннаго средняго числа? Какъ часто бываютъ они и чѣмъ преимущественно обусловливаются (напр. исполненіемъ домашн. письменн. работъ и т. п.)?

48) Остается ли свободное время для чтенія книгъ и занятія искусствами и ремеслами? Сколько приблизительно времени можетъ ученикъ посвящать тому и другому безъ ущерба для школьныхъ занятій?

49) Не представляется-ли вообще чрезмѣрной ежедневная умственная работа, возлагаемая на учениковъ? Если да, то въ какихъ классахъ въ особенности?

50) Не можете ли вы указать какія-либо болѣзненныя явленія у учащагося, которыя обусловливались школьной обстановкой и занятіями (головная боль, отсутствіе аппетита, нервность, близорукость и пр.)?

51) Гдѣ происходитъ гимнастика: въ закрытомъ помѣщеніи или на свѣжемъ воздухѣ?

Какъ относятся ученикъ къ школьной гимнастикѣ, и какъ она вліяетъ на него?

52) Практикуются ли игры?

53) Какими, по вашему мнѣнію, мѣрами школа могла бы содѣйствовать физическому развитію дѣтей?

54) Какое вліяніе оказываютъ экзамены на продолжительность занятій учащагося?

55) Въ какомъ настроеніи бываетъ учащійся въ экзаменаціонную пору?

56) Не можете ли вы указать такіе факты, которые свидѣтельствовали бы о вредномъ вліяніи экзаменовъ на здоровье ученика?

„Примѣрная схема курса законовѣдѣнія въ общихъ чертахъ,“ приложенная однимъ изъ корреспондентовъ, желающихъ ввести въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе законовѣдѣнія.

1) Общее понятіе о правѣ, субъективное и объективное право, положительное право или законъ; краткій историческій очеркъ развитія понятія о правѣ.

2) Общее обозрѣніе отдѣльныхъ юридическихъ наукъ.

3) Понятіе о государствѣ, элементы государства: территорія, населеніе, власть; условія происхожденія и процессъ развитія государственной власти.

4) Дѣятельность государственной власти: законодательная, судебная и административная; права подданныхъ: личныя, имущественныя; различные виды свободы дѣятельности; свобода вѣроисповѣданія.

5) О формахъ правленія: а) монархія абсолютная, б) монархія конституціонная, в) демократія.

6) Государственное устройство различныхъ государствъ.

7) Государственное устройство Россіи, верховная власть по нашему законодательству.

8) Дѣятельность законодательная; порядокъ изданія и опубликованія законовъ; условія ихъ обязательности и способы толкованія; историческій очеркъ русскаго законодательства и нынѣ дѣйствующіе законы.

9) Дѣятельность административная. Существующія въ Россіи административныя учрежденія: центральныя, губернскія, уѣздныя, сословныя и кругъ вѣдомства каждаго изъ нихъ; церковное устройство Россіи.

10) Сущность административной дѣятельности; мѣры, принимаемыя правительствомъ для обезпеченія благочинія и благосостоянія населенія.

11) Дѣятельность судебная: судебная организація, послѣдовательный ходъ процесса гражданскаго и уголовнаго.

12) Средства для существованія государства: повинности, подробнѣе воинская повинность, налоги, пошлины и другіе сборы; государственныя регаліи; бюджетъ.

13) Понятіе о сословіяхъ, особенности каждаго изъ нихъ; правовыя ограниченія евреевъ.

14) Послѣдовательное прохожденіе государственной службы.

15) Общій очеркъ гражданскихъ правоотношеній, семейственное право, вещное, наслѣдственное и обязательное.

16) Понятіе о преступленіи и наказаніи; основные принципы уголовнаго права; разборъ главнѣйшихъ преступленій по дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ и по проекту новаго уголовнаго уложенія.

17) Краткое понятіе о международномъ общеніи, органы международнаго управленія.

„Весь этотъ курсъ съ достаточной основательностью свободно могъ бы быть пройденъ при 2-хъ недѣльныхъ часахъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, конечно въ трехъ старшихъ классахъ, при нѣкоторыхъ сокращеніяхъ возможно было бы даже ограничиться 5 недѣльными часами во всѣхъ трехъ классахъ.

Курсъ этотъ во всякомъ случаѣ не будетъ труднѣе преподаваемаго въ тѣхъ же классахъ элементарнаго курса логики.

Относительно интереса надо думать, что при нѣкоторомъ умѣньѣ со стороны преподавателя, ученики скоро полюбятъ новый предметъ и съ охотою будутъ имъ заниматься."

Дозволено цензурою. — Рига, 11 Февраля 1900 г.

Типо-литографія В. П. Матвѣева. Рига. Парковая ул., № 1.

Цѣны:

Вишневскій. Ариѳметическій задачникъ для начал. учил. и приготов. класс. гимназ. и реальн. учил., изд. 10-е. 3-е изд. одобрено У. к. М. Н. П. въ качествѣ учебнаго пособія. К. 1898 г. . . — р. 35 к.

Іслентьевъ. Курсъ русскаго правописанія для начальныхъ народн. училищъ и школъ, изд. 4-е. К. 1898 г. . . . . — „ 35 „

Львовъ. Значенія игръ въ дѣлѣ воспитанія. Каз. . — „ 40 „

П. Л. Сочиненія на темы по русскому языку, в. I. С.-П.Б. 1898 г. . . . . 2 „ — „

Максимовъ. Краткая русская грамматика., С.-П.Б. 1900 г. — „ 10 „

и Глушинъ, Родная пчелка, сб. ст. и стих. С.-П.Б. 1899 г. — „ 40 „

Рошалъ. Планы и краткіе обзоры темъ литерат. характ. задав. для домаш. и классн. сочин. во всѣхъ средне-учебн. завед. С.-П.Б. 1900 г. . . 1 „ 15 „

Рудневъ. Сборникъ ариѳмет. задачъ для нар. шк., приспособл. и для инородческ. школъ, отдѣлъ для учащихся въ 2-хъ тетрад. Р. 1899 г., кажд. — „ 15 „

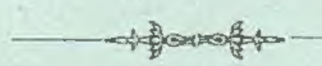
— Тоже отдѣлъ для учителя въ 2-хъ тетр., кажд. — „ 15 „

Чевассъ. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. С.-П.Б. 1897 г. . . . . . 1 „ 50 „

Юревичъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальн. учил. С.-П.Б. 1899 г. . . . . — „ 15 „

Краткія указанія для готовящихся къ преподавательской дѣятельности, составл. член. испыт. ком. при Упр. Рижск. учеб. округ., в. 1, изд. 2. К. 25 к., в. 2 — „ 25 „

Краткія методическія указанія о веденіи обученія предметамъ церк. прих. школ. Каз. 1899 г. . . — „ 20 „

28 ИЮН 1944

2007044248